
Эльза ГИЛЬДИНА

НЕХОРОШЕЕ РАДИО

Повесть

«Десять лет, которые...»

*Название документального фильма
на одном из центральных каналов*

1.

— ...Ну какой телеканал «Спас», Серафима Альбертовна? Я ж задымлюсь, едва переступив их порог, — плачу в деканате, — и какие у них новости, сами подумайте! «Крестный лёт: подмосковные священники с вертолета окропят святой водой город, чтобы избавить народ от пьянства, социальных проблем и дорожных происшествий»?

— А я думала, ты верующая, — веселилась деканша, — с твоей-то успеваемостью и прогулами только на Бога уповать, чтоб не отчислили. Сама виновата, что опоздала, — и, отсмеявшись, продолжила строже: — Все приличные места давно разобрали. «Лето красное пропела, так поди же попляши.»

— Попляши! На «Спасе»? С моими-то волосами!

— Ты же не будешь при этом оголяться и призывать к свержению существующего строя? — но пристальнее взглядевшись, с опаской проговорила: — Хотя, зная тебя...

— Серафима Альбертовна, — взмолилась и чуть ли в ноги не бухнулась, — ну запишите в «Голос Москвы», ну пожалуйста! Я за вас свечку поставлю, чесслово.

— Чтобы окончательно развалила одно из последних приличных СМИ? И Горыныч таких, как ты, на завтрак ест. С ним балду пинать не получится. Он с тебя живой не слезет. Туда только бравых отличников! Вроде Васи́ли или Вильданова. И что ж вам, честолюбивым, все нейдет? Не ищите легких путей, а вам еще жить и работать в *этой стране*, — вздохнула деканша и сосредоточилась над списком. — Но Вильданова кое-как уговорила: переметнулся на ВГТРК. В принципе можно теперь вместо него, — в сомнениях рассуждала, крутя ручку на пальцах.

— И чем я хуже той же Васи́ли? — буркнула, но ответ заранее известен:

— Серьезно? — поглядела на меня поверх очков. — Смотрела «Осенний марафон»? «Хартия переводчиков гласит, что перевод должен содействовать лучшему взаимопониманию между народами. А вы своим лепетом будете только разобщать». Вот чую, что-то подобное произойдет и с нашей журналистикой в твоём лице. Ну ладно, все равно ведь отвалишься. Горыныч тебя взашей оттуда! — заранее пообещала.

Эльза Гирфановна Гильдина родилась в 1985 году в Башкирии. Окончила ВГИК им. С. А. Герасимова (мастерская документального и научно-популярного фильма). В качестве автора документальных фильмов участник и призер российских кинофестивалей. Журнальные публикации: «Сибирские огни», «Октябрь», «Кольцо А», «Юность», «Знамя», «Дальний Восток». Живет в Уфе.

Я не в обиде. Симочка к тому же моя научница. Когда-то на вступительных в составе приемной комиссии лично взяла на курс. На свой страх и риск. Теперь вот терпит, но не за мои заслуги, их в помине нет, а за собственный выбор. Выгнать за неуспеваемость и прогулы — значит расписаться в своей недалёковидности. Но Сима упорно продолжает считать себя прозорливой, знающей цену людям. В этом ее слабость, на ней бесовестно выезжаю, который год балансирую на этом непрочном канате. Прекрасно понимаю: все, что имею сейчас, далось по случаю, по редкому и чистому везению. Поступление в столичный вуз стало для моей мамы откровением и милостью свыше, отпущением всех совместно нажитых грехов. Но не умею быть благодарной зубрилой: корпеть и сопеть над конспектами и учебниками, как, например, преподавательский любимчик Вильданов. Он из такого же голодного края, но воспринявший столичный журфак как путевку в жизнь. И вот из кожи вон лезет!

Меня тоже все знают, но с обратной стороны. Фамилия моя постылая во всех «расстрельных» списках, давно набила оскомину. Каждый раз вызывают в деканат на разговоры по душам, увещевают, а я и не думаю на вражью милость сдаваться, глазки в пол прятать, мямлить, обещать исправиться, за ум взяться... Знай себе артачусь и жизни радуюсь. Я зверски и иступленно общительна, но это джокерский грим, агрессивный макияж, защитная маска, без чего давно выгрызли бы лицо. А Вильданов, наоборот, в одной и той же (от бедности) чистой белой рубашке и выглаженных костюмных брюках. Прежде чем взять слово, всегда на всякий случай откашляется, поправит стоячий воротничок, проведет по отутюженной стрелке на брючине. Он безукоризнен и однообразен во всех своих проявлениях. Вежлив и отстранен. Особенно со мной. А я с ним особенно словоохотлива. Раньше он помогал закрывать сессии. На своем голом обаянии и подозрительном энтузиазме я долго не протянула бы. Теперь после нашего с ним расставания приходится самой вытаскивать себя за волосы. Но после диплома надеюсь восполнить все пробелы и неурядицы бешеной карьерой! Тут уж, держите меня семеро, должна преуспеть! А сейчас-то чего надрываться? Поэтому срочно в «Голос Москвы», чтобы обрести собственный голос, как бы патетично это ни звучало. На сегодняшний день это единственная площадка, где всерьез стоит рассчитывать на реализацию. Иногда собачья работа может дать больше, чем просто порядочный вуз.

В итоге крепость пала, и Сима записала в «Голос Москвы». На всякий случай самолично вызвонила главного редактора, бывшего сокурсника, и предупредила обо мне. Тот назначил встречу в этот же день.

Перед собеседованием успела забежать в общагу навести марафет, натянуть (на удачу) любимые синие колготы и захватить «вязанку» публикаций, которая с момента поступления, признаться, не сильно прибавилась. Но время от времени утешаю себя тем, что беру качеством, а не количеством. Конечно, негоже начинающему журналисту быть таким разборчивым, ведь у всех, как ни выпендривайся, одна дороженька в ад... Однако судьба до сих пор ко мне благосклонна, иначе в пути следования следующим пунктом не значился бы «Голос Москвы». Стало быть, иду в правильном направлении.

2.

Редакция «Голоса» располагалась в той части Москвы, где когда-то по соседству жили обе бабушки Пушкина, а теперь трамвай «Аннушка» звонко нарезает поворотные круги и как бы чертит мелом вокруг того стихийного народного вече, с неделю образовавшегося на бульваре и превратившегося в задушевный гайд-парк.

Я пропустила начало (с матерью на майских картошку сажала), теперь же распирало от любопытства. Все наши с журфака там побывали. Кто-то даже с ночевкой. Все ЖЖ и ФБ забиты постами о ЧП. Вот и я, задыхаясь и спотыкаясь, мимо Моспочтамта, Меншиковой башни, храма Федора Стратилата, за спиной стеклянная высотка ВТБ, спешу в ту сторону, но не к фонтану и палаткам, а к самой редакции, под окнами которой расположились эти самые палатки. По пути ожидала увидеть погрязший в содомии лагерь нечесаных растаманов. Но нет, все те же нетронутые цветные клубы и цельные фонари, трусы на них не висели, мусором никто не бросался, пьяной бранью не оглушал, ни разу не споткнулась о совокупающиеся в наркотическом экстазе тела под нескончаемые призывы к свержению власти...

Больше всего впечатлило здание самой редакции. Бывший дворянский особняк, капитально выхолощенный многолетней бездумной реставрацией. Ох уж эти независимые СМИ! Умеют выклянчить на аренду у покровителей, кем бы те ни являлись. Впрочем, кому принадлежит контрольный пакет акций «Голоса», известно, ни для кого не секрет. В крайнем случае можно погуглить. Однако в редакционную политику учредители, надеюсь, все же не вмешиваются, и курс определяется исключительно главным редактором. Так, по крайней мере, в законе о СМИ прописано.

Ага, попробуй вмешаться в дела такого главреда, еле ноги унесешь! Есть, конечно, люди, особенно из глубинки, например, моя мама, никогда не слышавшие о «Голосе». Им достаточно имени выбранного президента и лунного календаря садовода-огородника. Их советами и руководствуются. Моя мама еще добавляет ответственно: «Если тебя не кажут по телику, значит, тебя нет». Главреда «Голоса» давно *не кажут по телику*. У него там пожизненный бан. Но по прежним лихим временам все помнят эту гремевшую фамилию.

Возле турникетов с подчеркнуто безучастной охраной пребываю в томительном ожидании. Наконец за мной спускаются и по той же парадной лестнице ведут наверх. Ступаю по мягкой ковровой дорожке, растиражированной, потертой. Ведут в святую святых! На стенах по обе стороны тесная галерея фотографий разных селебов, будто иконостас, чудные лики. Дыхание перехватило, глаза разбегаются. Вот так начнешь изучать портреты политических, общественных и культурных деятелей и уверуешь в современную журналистику! Мной овладел благоговейный трепет. Ну чем не храм? Чистый живой храм! Дух гласности и свободы, нонконформизма и истины.

В первой комнате, комнате референтов, она же гостевая, несколько человек разом оставились на мои волосы и колготы. Я же поглядываю на знаменитую рынду — еще с начала девяностых талисман и символ «Голоса». В нее так и подмывает ударить.

Меж тем выясняется, что «принимать» меня будет сам Главный... Ведут через всю анфиладу в отдельную, самую дальнюю комнату. Мимо меня за прозрачными перегородками проходных комнат, как вагоны тяжеловесного состава, проносятся рекламный, продюсерский отделы... И жизнь моя, нырнувшая в этот туннель, сумрачный и гулкий, торопится под невидимый грохот колес в тартарары! Везде, кроме сонной бухгалтерии, неряшливость и суета, будто скоро станция, пассажиры готовятся к выходу. Точнее, к выходу в эфир. В студию, смежную с кабинетом главного редактора, то и дело снует народ из информационной службы. Эх, меня здесь нет!

Сторонясь суматошных сотрудников, подбираемся к «кабине машиниста».

— Только не заигрывай с ним, — предупреждает девочка-референт, одергивая мою юбочку, — терпеть не может, — и снова недоверчиво косится на мои волосы, вызывающие сегодня всеобщее недоумение.

Наконец отворила дверь, быстро доложила и запустила в открытый космос...

Но здесь не космос. Попадается, конечно, космическая тематика на обложках раскиданных научно-популярных журналов. На стенах советские плакаты, географическая

карта Российской империи образца 1900-х годов, полинялый календарь АвтоВАЗ... На стенах призовые статуэтки и дипломы, подтверждающие состоятельность... Второй стол возле окна, выходящего на бульвар, завален документами, папками, книгами... Сваленная гора вот-вот распадется и с грохотом опрокинется на ворсовый пол.

Все это совпадает и в то же время так не вяжется с масштабностью радиостанции, с тем влиянием, какое она оказывает на передовые неподчиненные умы!

— ...Пока вы к нам добирались, кое-что поменялось, — огородили меня с порога, — у нас тут в это время года, как всегда, стажирется туча девочек со всех журфаков. Работала, конечно, выгодная, но всю эту бесплатную саранчу все равно девать некуда. А нам снова бюджет сократили. Так что дармовой заварки, печенюшек и свежего воздуха на всех не хватит. А как, скажите на милость, работать без печенюшек? — сидя вполоборота и качаясь в кожаном кресле, куражился Главгад. — Приходите-ка вы в следующем году.

Флиртовать запретили, а как еще себя вести со взрослым мужчиной, мне неведомо. Видя это показное равнодушие, в данном случае неуместное, понимаю, что ему все же совестно за некрасивую ситуацию. И в качестве утешения он вдруг предложил шутливо:

— А хотите, на гитаре сыграю? — и на полном серьезе поднялся за инструментом, висящим за шкафом:

Аннушка, Аннушка-вострушка,
Сколько мы с тобою провели минут!
Дорогая Аннушка, ты уже старушка,
С каждым днем короче твой маршрут...

Я не нуждаюсь в шутовской жалости. Я не кисейная барышня. За свою короткую жизнь многажды бегала по разным собеседованиям и столько же раз получала категорический отказ. Но сейчас важно другое. Передо мной кумир моего страшного детства, вчерашний демон телеэфира. Много лет властвовавший и в одночасье сброшенный с телеолимпа, помыкавшийся по печатным изданиям и съемным хатам, обригтый, оплывший, почти оживший Маяковский, разменявший шестой десяток, столько же раз поменявший политические взгляды, ушедший из семьи и наконец обретший себя на радиостанции как утешительный приз и почти дотянувший ее до своих высот, сделавший практически равной себе. Виктор Горенко. Без прежнего размаха и полета. После коридоров возле Останкинского пруда — нынешний обрезанный кабинет на Чистых Прудах, в котором, несмотря на прежние ударный сарказм, гренадерский рост и активную жестикуляцию, сам как редуцированный, вернее, как слон в посудной лавке, бледная тень самого себя. Бывшие телевизионные эфиры несравнимы с радиийными. Нет возможности воочию лицезреть его силу и мощь. Но остался последний инструмент воздействия — раскатистый пошловатый баритон, такой же убеждающий, побуждающий и побеждающий, от которого сносит крышу, женскую, человеческую и кому-то даже гражданскую, мурашки по коже, женские, человеческие и у кого-то даже гражданские...

И раз уж нашему короткому знакомству не суждено быть продолженным и минуты отмерены, то собственные амбиции не позволяют мне пройти в его жизни по касательной. Если не работать с ним, то хотя бы запомниться, вызвать что-нибудь внушительное, а не только насмешливую улыбку. И Остапа понесло:

— Виктор Алексеевич, я без всякого вашего пения, очень, кстати, приличного, считаю, что мне в любом случае повезло познакомиться с вами. Для меня это знаковая встреча, потому что, как всякий ребенок из девяностых, росла на вашем мнении о стра-

не. Не скажу, что в детстве сознательно смотрела вашу программу. Мне больше нравились «Намедни». Но у простых взрослых людей было такое масштабное включение в эту московскую жизнь, в большую политику и экономику в целом! А я под этот фон делала уроки, засыпала (мы впятером жили в одной комнате). Но эти семейные воскресные вечера под ваши далекие политические разоблачения постепенно становились частью какого-то культурного кода, как, например, фильмы Данелия и Захарова, в которых на самом деле нет ничего особенного (иностранцы не поймут), но мы все равно их любим, выучиваем наизусть, потому что это наше...

Горенко полностью развернулся в кресле и, почесывая ухо, со скепсисом изучал даже не меня, а мои окрашенные волосы, как бы соотнося их со мной, через них прицениваясь, заранее выясняя: почему фунт лиха?

— ...Но особенно хотела поблагодарить за честную Минутку, среди которых был мой папа. Вы с ним не говорили, не успели, но он стоял там и смотрел в камеру... Я после этого больше его не видела. И ни одной памятной фотографии не осталось после переезда. Остались только те кадры, снятые вашей съемочной группой...

Старалась не глядеть в его сторону, думала, провалюсь, по ощущениям, почва уходила из-под ног. Но несколько раз бегаящими глазками случайно напарывалась на его бульдожий взор и будто, карабкаясь по отвесной стене, натыкалась мягкой незащищенной ладонью на острые выступы.

— Я барышню отсобеседовал, — сообщил он кому-то по связи, — годится, пожалуй, — стало мне приговором.

Думала раньше перекраситься и покреститься, а вот и раздумала! Не хило подыграла Горынычу. Как Гарри Поттер с Василиском, почти не глядя, застала врасплох, пробила твердую броню и поразила в самую цель. Видимо, давно ему не говорили ничего хорошего. В его поплывшем взгляде вместо положенной скупой слезы бесконечная тоска по человеческому теплу, по былому всеобщему признанию! Старый пират, не знающий слов любви, законченный неукротимый циник расчувствовался, разнежился, польстился... И не может скрыть пробоину, несмотря на все защитные панцири. И злится на меня. И будет мстить. Но пока я победила! Душа торопится в рай. Обрато по красной ковровой дорожке, как по обильному кровавому следу от моего сердца, зашпешила к центру Земли.

3.

На первой планерке яблоку негде упасть. Народу набилось под завязку за счет, конечно, стажеров, которых никто не звал, но всем хочется поглядеть, как лицедействует Горыныч. Трибун, которому веришь и который украл сердце. К тому же из-за нехватки стульев бесправные стажеры всегда сойдут за мебель или за легкие перегородки, на них можно облокотиться или даже прислониться. О том, что стажеры здесь в качестве статистов, как тени, приходят и уходят, и ротации никакой, пробалтываются даже стены, увешанные рабочими записками, текущими напоминками, памятными игрушками-безделушками... Все это копится годами! На стенках немых кружек заварочный осадок, как годовичные кольца. А так хочется выплеснуть и смахнуть рукой все лишнее, пыльное, годами нажитое и начать с чистого листа! Это потом уже, пройдут дни, недели и месяцы, и я начну постигать целесообразность каждой бумажки, возрасту в это место не только пятой точкой, но и суетной душой.

Из коридора доносится знакомый громобойный смех, и спустя минуту к нам эффектно вкатывает на местном велосипеде длинный Горыныч с торчащими коленками. После удачного утреннего эфира все еще ликующий и спонтанный. Шалить и дура-

читься изволит. Пытается заразить кипучей энергией сонное царство «Голоса», и старая гвардия, пришедшая на радиостанцию задолго до него, еще в начале девяностых, потворствует его блажи, снисходительно кивает и посмеивается. У многих от сердца отлегло: «Вот выглянуло солнышко, и нам как будто нечего бояться». Хотя в течение дня ветер может изменить силу и направление.

Пока Горыныч актерствует на потребу публики, используя все те же приемы, что при общении с постоянными слушателями, я с затаенным беспокойством поглядывала на то и дело выдвигающегося в кресле из-за прозрачной перегородки Александра Второстепенова, сооснователя «Голоса» и на данный момент заместителя главного редактора. Личность легендарная, кто ж спорит, и, по мнению либерально настроенной публики, он более порядочный и талантливый, нежели его патрон. Но на мой девичий вкус в нем ни грамма харизмы и физической храбрости... А у тревоги моей две причины.

Во-первых, рядом с ним чуть ли не на правах наперсницы восседает моя незабвенная однокурсница Василия. В своем излюбленном вальяжном образе и с тяжелыми томными ресницами. Ей наверняка трудно моргать. Может, поэтому она, откинувшись ровной спиной чуть назад, глядит преимущественно в пол, позволяя потенциальному собеседнику (интервьюеру или спикеру) любоваться ее точеными скулами и массивными серьгами. Она отлично красовалась бы в какой-нибудь «Белой студии» вместо Златопольской. Там тоже можно не поддерживать зрительный контакт из-за яркого света направленных софитов. Но Василия не желает довольствоваться тупиковой ветвью развития журналистики — светской хроникой, где конечная цель — тянуть лыбу и, расправив покатые голые плечи, перетирать с селебами о погоде в жанре «звезда с звездой говорит». Василия прется в общественно-политическую журналистику. Впопад называние экономических терминов после ВШЭ, владение языками на уровне носителя, ухоженная внешность, незаслуженное самомнение и родственные связи сослужат ей службу. На этой планерке в душной комнате, набитой непритязательным народом, она будто дверью ошиблась. Инопланетянка, существо с иным химическим составом. Мужчины откровенно отвлекаются на нее, стажеры подписываются на ее инстаблоги. Ее карьера на телеканале — вопрос времени. Это не смысл жизни, не источник вдохновения, не поиск истины и даже не заработок. Это просчитанные ходы, очередные ступени.

Василия и раньше не особо достаивала меня, простую смертную, своим царским, вернее, княжеским вниманием (по слухам, одна из многочисленных побочных детей известного режиссера, патриарха советско-российского кино, разменявшего не одно гражданство и не одну жену, а в девяностые выпросившего назад титул своей династии). Мы едва пересекались. И здесь едва кивнула в знак приветствия.

Во-вторых, Второстепенов от нечего делать перебирает со своего стола чьи-то стажерские публикации. Судя по брезгливому выражению — мои! Все школьные, факультетские, университетские репортажи, интервью, обзоры... В них действительно мало приличного. Но есть работы, за которые стыда не будет, какую бы гамму чувств Второстепенов на своем лице ни изображал.

Я не очень расположена к копеечному неблагодарному труду копирайтера: много слов, а толку ноль. Неусидчивая, легкая на подъем, быстро говорю и медленно пишу. Поэтому все зряшные годы студенчества ради удовольствия и заработка холуystвова-ла в московских ресторациях. И после той капризной публики научилась находить подход к любому, даже к откровенному социопату. Могла бы работать санитаркой в дурке, жаль, мало платят, или сиделкой в патронатной службе. Это была хорошая школа жизни. Не дай бог к ней вернуться. Усмирит гордыню, разблокирует коммуникативные зажимы... А щедрых чаевых хватало почти на полный семестр, ведь мне много

не надо: гречу с молоком, заварку по системе «Белые ночи» (по праздникам печенье курабье).

Один из самых моих жестоких опытов поместили в «Афишу», после чего обиженные владельцы заведения в отместку решили подать на меня в суд. Их возмутило не описание скотских условий труда, а то, что официанты под видом белого соуса тайно эякулируют в блюдо распоясавшимся гостям. Издание тогда отвело от меня беду и даже утешило, мол, именно таким образом и куется настоящий журналист.

Другую статью опубликовали в местном номере «РГ», и была посвящена инвалиду-колясочнику, ветерану Афгана, с которым из-за установленного по его инициативе пандуса с электроподъемником судился весь подъезд. Сутяжники претерпевали всяческие неудобства: не могли свободно передвигаться по лестнице, за обслуживание реабилитационного оборудования ежемесячно оплачивали целых двадцать рублей! Но редакция в моем лице все равно пожелала гореть им в аду!

...Стажеры, наивная и неискушенная публика, в благодарном неистовстве чуть ли не стоя аплодирует Горынычу на планерке. После его энергичного актерства на первый план выходит Второстепенов и уже исключительно по делу, по самому его существованию, в сосредоточенной тишине добавляет свои соображения. И старая гвардия тут же берет его слова под козырек. И чем она преданнее внимает настоящему предводителю, идейному вдохновителю, тем мрачнее за его спиной Горыныч.

4.

Искать информационные поводы все равно что в сибирских ручьях золото намыывать: загребать ржавой лопатой породу и отделять драгоценные крупички в холодной грязной воде. Сибирь, кстати, постоянный источник инфоповодов, будь то стихийные бедствия, массовые отравления или серийные маньяки. Территория гигантская, и размах соответствующий.

В этот раз подвела непредсказуемая суровая природа. Не прощает она головотяпства и наказывает большими человеческими жертвами и такими же разрушениями. В один из дней, а по московскому времени под самое утро, когда я только продрала глаза и тут же в телефон (да, теперь на коротком стажерском поводке), на одной из сибирских рек разрушались дамбы золотодобывающей артели. В результате смыло рабочий поселок. Имелись погибшие. Но никаких подтверждений. «Голос» в таких случаях идет на поклон к информационным агентствам...

Собираясь на работу, параллельно общалась с мамой. По моему запросу она упорно вспоминала, были ли среди вахтовиков наши знакомые. На малой родине безработица, все трудоспособное население едет за деньгой на север. Сначала мама, образованная редким звонком и такой же возможностью оказаться полезной для дочери, московской студентки, долго выясняла, как мои дела. Я раздражалась. И телефон разряжался, требуя ненасытному с ночи аккумулятору еще «добавки».

Когда вышла из общаги, она перезвонила и сообщила о двоюродном брате мужа тети Дины, ее подруги... Телефон продолжал подавать истеричные сигналы.

Уже на подходе к метро мама снова набрала и уточнила, что двоюродный брат мужа тети Дины там, оказывается, уже не работает. Вернулся в прошлом году, сильно возмутился: скотское отношение, обманули с расчетом, много неучтенного золота. Новое место найти не может. Запил. Зато в артели продолжает трудиться его односельчанин, но тот пока не берет трубку.

На моей станции нет стойки для зарядки мобильных устройств. Понадеялась на USB-порты в новых вагонах. Но спустившись к платформе, падаю духом и мысленно

сползаю по стеночке — подали обычный поезд. Терпеть не могу, когда в несущемся на грохочущих колесах поезде люди вопят в трубку, думая, что связь от этого возобновится. Но моя мама не умеет быстро набирать сообщение. И теперь я сама, как подорванная, забыв о приличиях, ни на кого не обращая внимания, требую через двоюродного брата мужа тети Дины, маминой подруги, написать чуть подробнее об условиях труда и всем миром дозваниваться до односельчанина. Ведь вот она, золотая жила! Клынула большая рыба, которая вот-вот соскочит и махнет мне издевательски хвостом.

Завела глаза к потолку, зашаталась и стала взывать небу, чтобы помочь мне хоть в одном благом деле. Или, как минимум, попридержать процент заряда батареи. Но заряд батареи все ниже, да и связь в подземке ненадежная. При переходе на другую линию бездарно пропустила входящий, будто сам телефон, ротозейка, выронила в гулкий бездонный колодец. Поставила на автодозвон, что быстрее посадило аккумулятор: индикатор окрасился красным, поморгал, вспыхнула «молния», телефон в предсмертных конвульсиях завибрировал и неожиданно вырубился.

Время и расстояние до Чистых Прудов грозит нервным истощением, как следствие, облысением и членовредительством. В припадке ярости, переходящей в гнетущее уныние, рву на себе волосы, кусаю обкусанные локти, грызу без того обгрызенные ногти, царапаю кожу на лице, в общем, кляню все на свете и забываю бесполезным телефоном несуществующие гвозди! Мир мой сузился до огромной Сибири, до этой горно-таежной реки, до этой незаконной дамбы, до рабочего поселка, стертого с лица земли, до односельчанина двоюродного брата мужа тети Дины, который не отвечает на звонки. Возможно, он уже погребен под землей, он в списках пропавших без вести, ведутся поиски, а я тут ерундой страдаю, практически в кровь себя размазываю.

При выходе из метро судьба сжалилась надо мной: гадский телефон, чуть передохнув, возродился из небытия и послал короткую благую весть. С односельчанином двоюродного брата мужа тети Дины, маминой подруги, все в порядке, отделался легким испугом, обещали сегодня же выписать, а в больнице остается еще около полусотни рабочих с обморожениями и переломами. Его сосед по палате как раз дежурил ночью и успел зафиксировать на видео тот злополучный селевой поток. Правда, чтобы выложить или отправить, достаточного Интернета у них нет, надо ехать в единственный торговый центр, да и следственные органы и телевидение уже требуют материал.

Я почти на крик сорвалась. Прохожие шарахнулись от меня, и голуби возле памятника вспорхнули. Телевизионщикам — ни в коем случае! Набросились стервятники. Местные власти заинтересованы в умалчивании масштабов трагедии, начнут замечать следы, чтобы не получить по шапке на самом высоком уровне, ведь технологические дамбы, скорее всего, возведены кустарно, с несоблюдением технологий, и поселок строили в неположенном месте. А московское радио, наоборот, хочет разобраться, чтобы до Кремля (нас слушает президент, наши новости подаются на его стол) дошла исчерпывающая информация, чтобы виновные не ушли от правосудия, а пострадавшим оказали всю необходимую помощь, в том числе материальную. Послушные, запуганные и обнадеженные люди обещают переслать видео. И я не просто побежала, я воспарила над бульваром, подстегиваемая собственным нетерпением. Как назло, бульвар казался бесконечным. В другие дни, из общаги в редакцию, не замечала потраченного времени.

Планерка была в самом разгаре. Как раз обсуждали злосчастную дамбу. Прибежала с языком на плече, жадно набросилась на первую же розетку. Пока загружался телефон, открывалось приложение, я разве что лбом о батарею не билась. Народ неплохо поглядывал в мою сторону и цыкал: эй, потише там!

Наконец пришла жуть! Видео нечеткое, еще сумерки, снег, руки трясутся, камера мечется, с трудом фокусируется, оно и понятно, где уж тут долгие статичные планы, когда с горы несется бурное течение с обломками деревьев и камнями... Видео обрывается.

Следующий ролик снят с возвышенности: внизу сильный поток, крики о помощи, сносит балки и машины, их крутит в стороны, люди вытаскивают друг друга...

Когда все на планерке готовы разойтись, я, сжимая в руке подзаряженный телефон, подсаживаюсь на край свободного стула и серафическим голосом прошу слова:

— Мне тут очевидец один прислал...

5.

И «Голос», как всегда, в топе, мы первые в рейтинге по цитируемости. Наконец и я внесла свою лепту в создании информационного облика еще одного дня. Горыныч с той первой встречи впервые взглянул на меня, будто вспомнил о таракане, которого забыл прихлопнуть и случайно даровал беспонтовую жизнь. И да, мне выдали пропуск, больше не придется бегать в туалет по пропускам старших коллег.

Но в целом ничего не изменилось. Рабочее место не выделили, потому продолжила бетонировать свое седалище на чем придется: на полу между заваленными столами и переговаривающимися ртами или на краюхе случайного стула под работающим на полную мощность кондиционером. Когда надоедало, уходила с нагретым ноутбуком, обжигавшим голые колени, вымучивать задницу в толчке (благо пропуск имелся), запырлась в крайней кабинке у окна и в гулком пространстве медленно остывала с ноутбуком, абстрагировалась, концентрировалась... Тем сильнее отвлекалась на хлопанье дверей или шум спускаемой воды.

Часто захаживала Василя. Я догадывалась об этом по приближающемуся дробному стуку каблучков и по легкому, будто крылья, шуршанию юбки из плащевой ткани. Когда я наклонялась, через широкий просвет мелькала красная подошва ее высоченных туфель. И со злорадством припоминала слова Раневской о красивых людях, которые тоже срут. Хоть чем-то себя развлекала. Честно говоря, уже подустала денно и ночью мониторить ленты, брать интервью у спикеров, готовить выпуски. Это все равно что копать и вычесывать блох из моря густой немытой шерсти. От подобного круглосуточного спама, от этого конвейера голова кругом. По большей части в этом нет никакого смысла. Одни лишь пустые хлопки, мелкие блестяшки и бесполезные конфетти.

Во время перерыва выпархивала на бульвар, с наслаждением расправляла плечи, разминала затекшие мышцы, после кафельного пола отогревалась на солнце, услаждая себя пением птиц и фонтана, шумом деревьев, запахом желтых маргариток на клумбах, которые обыкновенно высаживают на главных площадях всех провинциальных городов рядом с памятником Владимиру Ильичу. Оттого мне казалось, что я дома. Как-то неожиданно в этом году брызнуло, грохнуло зеленью, почти буквально, как в финале фильма «Любовь и голуби». Атмосфера бардовского слета и палаточного отдыха. Это отличная лайт-версия турпохода или пионерлагеря для тех, у кого туговато с отпуском, или не проходит ностальгия. Хорошо, наверно, просыпаться на природе в центре города.

Но подъем здесь ближе к полудню. Обитатели еще только потягивались, позевывали, сонно переговаривались в палатках, нехотя бренчали на гитаре, сушили спальные (ночью пробежал дождь), лениво рубились в настольный хоккей, глядя на который вдруг вспомнила единственный опыт работы копирайтером в одной московской

фирме, специализирующейся на настольных играх. Им не нужны были тексты с прилагательными. Они учили быстро и ясно рассказывать о сложных вещах. Именно они показали мне, как по-настоящему работают и продаются тексты. Они говорили, что длина фразы обратно пропорциональна числу IQ ее автора. Но я не могла долго без прилагательных. Соскучилась по сложносочиненным и сложноподчиненным. У меня тогда началась деградация. И я, как всегда, ушла.

Я б столько разнокалиберных игр сюда притащила, чем бы дитя ни тешилось...

Наших стажеров здесь знают в лицо. Наши стажеры в надежде попасть на сайт «Голоса» ежедневно подробно отчитываются перед редакторами: кто из медийных выступал, какую программу давали. Вот сегодня, например, вокруг фонтана студенты-художники устроили настоящий пленэр. Все как положено, с мольбертами и красками.

Иногда в одном из окон редакции появлялась маленькая курящая голова заместителя главного редактора. Некоторые *гуляющие*, заметившие Второстепенова, громко приветствовали его, для кого-то с начала девяностых годов все еще выразителя либеральных идей. А тот, польщенный, в ответ чуть ли не по-королевски ажитировал ручкой, дескать, возрадуйтесь при виде меня! Зато Горенко никогда не навязывался толпе. Красовался по-другому: импозантным стареющим рокером, в косухе и бандане, на роскошном «харлее» с помпой выезжал с охраняемой парковки.

Я тоже тут примелькалась, хоть и редко появлялась, только когда живот окончательно прилипал к спине. После покупки нового аккумулятора и портативного зарядника ходила сюда подъедаться. Здесь раздавали борщ, пирожные, печенье, чай. Иногда молоко и соки, сыры и колбасы. За чей счет сей банкет, не спрашивала, а дружно с остальными давилась и уплетала. Потом доставала телефон. Мне ведь в нагрузку добавили ролики для сайта «Голоса». Моя роль сводилась к поиску и компоновке фото и видео. Делала первичный монтаж и титры. Иногда без собственных подсьемов не обходилось. В резюме, вообще-то, изначально было указано, что владею программами монтажа. Но разглядели эту строку лишь после злополучного прииска.

Вообще, кроме полевой кухни, у меня здесь был еще один шкурный интерес. В одной из палаток лежала Ольга Куник. Полгода назад о ней никто не знал, начинающий игрок, но срок ее теперешней акции — две недели! На сцене среди намокших под дождем картонных фигур неявившихся активистов (в будни мало прессы и аудитории) она вечно живая, крохотная, без того худенькая, словно былинка, которую вот-вот сдует ветром, при самостоятельной ходьбе уже подзаваливается и при любой погоде кутается в теплые вещи. Ее соратники, постоянные гости эфиров «Голоса», часто навещают ее, и я уже насмотрелась на их самоуверенные лица, с монополией на правду, карикатуры на самих себя, ходячие лозунги. Она же единственная, кто решился на самый действенный метод политической борьбы и общественного давления. И мне интересно, что чувствует молодая мама во время длительной голодовки? Ради чего на свете стоит забросить успешную карьеру и умышленно гробить собственное здоровье? Мне как воздух нужна ее история, а людям — ее подвиг. Но я не единственная, кто облизывается на Куник. Рядом лисой притулилась Василия. Рыжим пушистым хвостом нервно подергивает, мягкой лапой пододвигает пакетик сока. Куник вежливо отказывает. Ольге Куник не нужны свита и поклонники. Но сытый голодного не разумеет. Василию определили в продюсерский отдел, в ее обязанностях собирать эфиры и приглашать гостей.

Если бы я объективно относилась к Василе, то считала бы ее обычной карьеристкой. Но я терпеть ее не могу, потому вижу все как на ладони, без прикрас и эвфемизмов. Для Василии журфак, как ее крупные серьги или филлеры, трендовое украшение или дорогостоящая косметическая процедура, короче, полезное развлечение, необходимое

для того, чтобы почувствовать себя уверенней, наполнить чем-то бессмысленные дни в хорошо обставленной, но пустой квартире. Это такой, по ее самодовольному признанию, психологический эксперимент над собой, выход из зоны комфорта, возможность познакомиться с теми, с кем в обычной жизни общаться никогда не стала бы. До этого были вполне подходящие ее паразитическому укладу уроки вокала, кастинги во всевозможные сериалы про «золотую молодежь», на которых ей впору быть консультантом, а не актеркой. И вдруг ВШЭ! Дальше — больше. Аппетит приходит во время еды. Вместо бара Симачева стала проявлять светский интерес к студенческим и экспериментальным театрам. Узнала, что модно любить Максима Суханова. И ладно бы пошла на какие-нибудь курсы телеведущих в Останкино. Нет, она поступила на престижный журфак, совершенно бездумно забрав чье-то бюджетное место, на которое олимпиадник из захудалой губернии пахал все десять лет, а его родители, как из «Ландыша серебристого», в дорогу готовы были распродать весь рогатый скот.

Прикончив галету, допив кофе и смяв стаканчик, другой рукой я принялась набирать в телефоне текст, стараясь походить в этот момент на небрежную героиню Кейт Мары из «Карточного домика».

— Может, у вас и микрофон синий? И вы его за спиной прячете? — хохмил кто-то залюбовавшийся моими волосами.

Поднимаю глаза. Надо мной мальчик, невзрачный, патлатый, щербатый, зажатый, короче, какой-то весь недоделанный, но демонстративный, один из тех, кому на обочине жизни, за последней партой и в спальном районе не хватает внимания, а протесты — единственная возможность найти себе применение, почувствовать себя живым и нужным, попасть в бурлящую новостную ленту.

Я не настроена на скамеечную полемику. Развела руками: чего нет, того нет!

— Раньше про высокопоставленных стукачей КГБ говорили, — не отлипал он, — что они носят невидимые погоны. Теперь вот ваш бутафорский Горенко таскает в себе невидимые встроенные микрофоны. Двойной агент! Чем-то на жизнь надо зарабатывать, раз из золотой кормушки выкинули. На эстраду бы шел байки травить, юродствовать... Все же не так обидно. Шоумен! Аншлаговец! Таких невозможно унижить. Кто без собственных убеждений, кто готов вкусно жить и дорого продаваться...

— Он не двойной, а тройной агент! Не переживайте, все переговоры и переписки по договоренности вовремя сдаются на Лубянку, — и, обдав ледяным презрением, на какое себя осилила, от греха подальше поспешила обратно в редакцию.

По пути опубликовала пост. Отсылать вышестоящим нет смысла. В тексте больше собственных впечатлений, нежели прямой фиксации действительности и простого перечисления, упоминания известных имен. Нет общественного события как такового, укладывающегося в редакционную политику «Голоса». Но после перерыва подозвала к себе Гадельшина, редактор сайта. Полненькая и низенькая, как бочонок, зато на шпильках и с распущенными волосами. С недавних пор вся женская половина редакции заимствовала у Васили манеру ее существования. Но зря толстая и деловая Гадельшина поклонялась навязанному образу. Он ей не шел. Она больше напоминала волевою Прасковью Малинину или Пашу Ангелину. Казалось, ее широкая могучая грудь тоже увешена невидимыми сверкающими тяжелыми орденами. И если на высоком каблуке все женщины, приноровившись, смотрятся неплохо, то ее выставленные вперед непослушные волосы в течение рабочего дня приобретали еще более неряшливый, неухоженный вид.

Зато сайт «Голоса» содержался ею в полном порядке: зачитаться, залюбоваться и не оторваться от постоянно обновляемых материалов.

— Нам глянулся твой текст. Возьмем для проекта: «А из нашего окна...»

Оказалось, Василия снизошла до меня: случайно, из вежливости отметила свежий пост, не зная, чем это грозит.

6.

Первое ЧП произошло по вине продюсерского отдела, вернее, их стажера, а точнее — Василия, в чьи обязанности входило обзванивать накануне гостей и напоминать о будущем эфире. Она этого не сделала. На вечерний эфир к Горынычу не явилась Альбина Волкенштейн, постоянный эксперт, один из основных генераторов ненависти, имеющая устойчивое количество почитателей ее непримиримого бойцового характера, с репутацией злой ведьмы, которую невозможно не позвать на именины. Еженедельная аналитическая программа оказалась под вопросом, ведь заранее были анонсированы гости и тема «Прорыв дамбы: кто опять виноват и что же все-таки делать?» Формат не позволял Горынычу выезжать исключительно на своем обаянии. Должно было состояться столкновение мнений. Альбина на эфирах ловко отбивала шайбы, поданные искусным провокатором Горенко, который всегда говорил в пику.

Теперь он искал крайних и жаждал крови! В бешенстве стоял посередине опустевшего коридора и, как бог-громовержец, верховный правитель, метал гром и молнии. Во все притихшие кабинеты разом изрыгал из себя многометровые струи пламени. Вспокоенный народ забился в самые непролазные щели. Как самая дальновидная, хорошо в своем привычном убежище устроилась только я. Работала потихоньку и в ус не дула, но под ложечкой сосало, была слегка настороже. Для Горыныча нет ничего святого. Он, если приспичит, в праведном гневе может и в дамскую комнату высадить дверь, выдернуть унитазы «с корнем», разогнать всех баб ссаными тряпками. Безопасно лишь аквариумным рыбкам и безымянным стажерам, которых все равно не запоминают, и, следовательно, предъявить нечего (разве что под горячую руку попадутся).

— ...Вы все! Слышите? Все, наймиты и диверсанты! Вы положили хр-р-рен на мою р-р-радиостанцию! Это заговор! Вас всех к р-р-расстрельной стеночке...

Но лучше уж так, чем когда Горыныч обманчиво спокойный, скользкий, залегший на дно. Не знаешь, чего ожидать, как на иголках. А обнаженная звериная ярость — вполне его привычное состояние. Так и ждешь, когда в рабочем порядке всех собак на тебя спустит! И все становится на свои места. Это же ненормально — вот так дрожать и бояться, зависеть от чужого настроения! Так и жизнь пройдет! Нужно что-то делать. Снова брать себя за шкуру и по-настоящему проявлять инициативу.

Вышла из кабинки ополоснуть лицо, и, как нарочно, явилась главная виновница скандала — Василия. Пряталась сначала у Второстепенова, чуть ли не под столом, теперь мелкими перебежками шустро сменила дислокацию на уборную. Стоим молча у раковин перед общим зеркалом, как буфетчик Шулейкин и боцман из «Полосатого рейса», переживаем гнев хищника в его же пустой клетке: «Укротить нельзя! Дикая тигр! Надо пиф-паф! Пистолет, артиллерия!» Не хочу заговаривать первой, фальшивить, ободрять. Мы никогда открыто не конфликтовали, скорее, наблюдали, каждый из своего окопа, кого снаряд настигнет первым.

— ...А я еще в прошлый раз предупредила Сашеньку (так Василия обращалась к Второстепенову), что не буду больше звонить этой гримзе, — принялась оправдываться, — постоянно орет, что звоню не вовремя. Что она и так помнит... Что у нее все записано, и на это можно надеяться, себе она верит больше, чем мне, очередной пустоголовой стажерке. Я и не стала больше беспокоить. А сегодня представляешь, какая подстава?

Из-за работающей сушилки половину не поняла, но в общих чертах суть жалобы ясна. Намокшие ресницы ее сильнее отяжелели, а инстаграмная, несуществующая

в природе кожа вдруг потекла, и мимика оживилась, по-детски захлюпала носом. Когда человек оказывается беззащитным страдальцем, он раскрывается, обнажается, уходят чувства не первой необходимости. Может, наша необъявленная вслух вражда от начала и до конца, целиком и полностью выдумана мной? Чтобы утешить, в ответ стала аккуратно подбирать участливые слова (с ее гордыней надо держать ухо востро), мол, не робей, воробей, будешь галкой, будешь бить всех скалкой!

— Тебя когда поставили гостевым продюсером, я, честно, позавидовала, — чтобы успокоить соперника, иногда полезно выставлять себя в невыгодном свете, — сложно побороть страх общения с незнакомым человеком, агрессивно настроенным и уверенным, что ему ничего за это не будет. Это называется дедовщиной. Журналистами должны становиться экстраверты, у которых коммуникативные навыки врожденные, а не приобретенные в силу необходимости. Мы с тобой стопроцентные экстраверты, но и нам порой тяжело. Но нужно учиться, потому что всем им без нас — труба!

Василия все это время морщила лоб, сосредоточенно вслушивалась, до конца не понимая, к чему веду, и наконец облегченно одарила меня дежурной улыбкой:

— Спасибо, я как бы в курсе, но всегда приятно вовремя ощутить поддержку тех, от кого не ожидаешь.

Пока я в растерянности прокручивала в голове ее сомнительную фразу «от тех, от кого не ожидаешь», редакция, сбившись с ног, в срочном порядке выправляла ее косяки — искала замену Альбине. В итоге не нашли ничего лучше, как вызвать ее законного мужа, с которым на двоих имела общую аудиторию, потому что колоритный Лева Волкенштейн по уровню жизнотворчества ей не уступал. Психиатр, литератор, карикатурист, обаятельный в своей желчи интеллектуал и вечный пижон. Семейей они, вообще-то, выступали номинально, по старой памяти или по старой дружбе, в силу бытовых удобств и психологического комфорта, чтобы имущество не делить и сор из избы не выносить. А фактически находились в состоянии вечного развода. По бурной молодости выслеживали друг друга по всей Москве, застукивали с любовниками, вытаскивали из чужих постелей. Теперь возраст не тот. Альбина обитала в Израиле, а Лева болтался в Лондоне. В России бывали наездами в дни протестов, встреч с читателями или премьеры спектакля (в театрах с успехом шли Левины пьесы). Супругами были неверными, а вот соратниками самыми преданными. Если где-нибудь выступить или подписаться в чью-либо защиту, то тут же бросали все дела, обо всем забывали и шли рука об руку.

Лева по счастливой случайности выступал на Чистаках со своей гражданской лирикой. И в редакцию ворвался сразу, перебежав дорогу на красный свет. Даже пропуск не успели заказать. Но ему не помеха. Был бы первый этаж, через окно перемахнул бы. Ему все равно, о чем говорить, такой же играющий полемист, как Горенко.

И эфир более-менее состоялся. Я открыла трансляцию в надежде услышать, как всегда, четко тонированную речь Горыныча. Но он пока выжидал и помалкивал, по старой привычке заложив руки за голову и водрузив ноги на стол. Он, как никто другой, считывал аудиторию, и у него всегда в запасе были возможные варианты беседы.

— ...Да давно нет никакого национального самосознания, идентичности, — вещал неутомимый Лева, — на дворе двадцать первый век. Все это бесконечно устарело. Скоро все пожрут корпорации. Неважно, под какими флагами. Но мы продолжаем хвататься за устаревшие ценности, традиции и с ними же проваливаемся в пропасть. И если мы, как всегда, по дурости своей строим рабочие поселки в русле реки под самыми дамбами, до этого незаконно возведенными, это всего лишь метафора устройства страны, и так нам всем и надо! Это как жить на вулкане и надеяться, что все обойдется. Это беспросветная неизжитая глупость. И если страну довели до ручного управления, если у семи нянек дитя без глазу, если руководство не справляется с громадными территориями

и природными богатствами, которые в наследство достались, то не пора ли вытащить голову из песка?

— Например? — лукаво приподнял бровь Горыныч.

— Пора признать, мы не заслужили того, что имеем. Все, что дано нам во благо, а по факту завоевано в результате захватнических войн, в итоге и тормозит наше развитие.

— Предлагаете снова звать варягов? Или вывозить чернозем? Ни себе, хоть людям?

— Ни то, ни другое. «Чернозем» благополучно вывозят наши же граждане, и он благополучно оседает в офшорах на Кипре. И недостаточно одного Рюрика с его братьями. В таком количестве свежая кровь не работает, они быстро ассимилируют, заражаются и тут же проваливаются в болото нашей жизни. Стороннее вмешательство необходимо на всех уровнях. Какое счастье для Аляски, что ее продали! А русский язык и русскую культуру, если вам угодно, те же Штаты сохраняют, как язык и культуру малых народов, по примеру чулымцев, ижоров. Они знают в этом толк лучше нашего. Утерянная коллекция Прокудина-Горского, например, находится в Библиотеке Конгресса США.

— То есть вы хотите, чтобы нас согнали с мировой арены, объявили реликтом и поместили в безопасный заповедник? И отодвинули от решения мировых задач?

— Очнитесь, какие задачи мы решаем? Мы давно уже ничего не решаем. Мы сырьевой придаток. Мы плетемся в хвосте вместе с Гондурасом и Лимпопо.

— Лимпопо — выдуманная страна, — подсказывали другие гости.

— А у нас выдуманные имперские замашки. И по поводу заповедника, не надо себе льстить. В фонд ЮНЕСКО внесут староверов, затерявшихся в таежных лесах и сохранивших себя в дни глобализации и всеобщей американизации, когда мы из каждого утюга слышим Бейонсе, смотрим «Игру престолов», питаемся фастфудом, когда в речи постоянные иноязычные вкрапления и заимствования (нет своих аналогов, а новый материальный мир продвигают именно они). Все равно никто ничего не заметит, только название корабля поменяем. Мы давно население, а не народ. Нация тогда нация, когда предлагает миру что-то дельное и прежде всего самим себе.

— Что я слышу? — деланно возмутился Горыныч. — Призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности?

— Не надо подводить меня под статью, Витя. Я крученный-верченый. В ФРГ после войны американцы на законодательном уровне привили немцам чувство вины. И какой результат! «Немецкое экономическое чудо» на основе неолиберализма. Когда же мы научимся признавать свои ошибки? Когда государство научится извиняться перед чужими странами и перед собственными гражданами? Это страна шариковых, поэтому слов из книги не выбросишь: «Зарубите себе на носу, что вы должны молчать и слушать, молчать и слушать, что вам говорят!»

— Я просто давно заметил, что маму свою ты никогда не называешь мамой, а Россию никогда не называешь Россией.

— Ой, прекрати, — замахал ручками Лева, — Витя, ты не так часто со мной общаешься, в отличие от моей жены, чтобы что-то за мной замечать.

— Лева, если Альбину будут насиловать, ты ведь не станешь ее спасать. Ты отбежишь на безопасное расстояние и оттуда будешь кричать: «Сама виновата!» Нашей стране сейчас тяжело...

— Скажи, а когда ей было легко? Клиент скорее мертв, чем жив. Все равно что мертвому припарки. И прошу, Виктор, не касайся моей личной жизни. Аналогия неуместна.

— А в США есть город, где мэром является кот, — вспомнили другие гости, — там даже коты умнее нас. Если у нас избрать какого-нибудь Ваську, то хуже не станет.

— По крайней мере, недвижимость и яхты ему точно не понадобятся, — поддержал Лева, — и всех крыс из администрации выгонит.

Все дружно посмеялись, и напряжение спало.

— Двадцать часов и сорок минут в Москве, — напомнил Горыныч, — мы в эфире и также на канале «Голоса Москвы» в Ютубе. Звоните, мы на прямой связи, пишите в чате свои комментарии и задавайте вопросы. И как говорят все мои женщины: чем жестче, тем лучше. Мы для этого здесь расположились.

— Але, это «Голос Москвы», я правильно попал? — дозвонился первый.

— Так точно, представьтесь, пожалуйста, и слушаем вас, любезный!

— Ну, слава богу! — выдохнул абонент, — до вас как до Смольного. А мы как раз пострадавшие оттудова звоним. Хотем рассказать, как все было, когда к нам президент приезжал. Нас всех собрали, он якобы всех выслушал с губернатором и полпредом, ну чистая показуха, а потом, вы не поверите...

— Что такое? — затаили дыхание в студии.

— Они подозвали самых младших детей и... — и снова сделал паузу.

— А дальше-то что? Вы только не переживайте, — но Горыныч сам заволновался.

— Раскинули свои вонючие ненасытные пасти и начали их жрать! Живых детей, представляете? Почти младенцев! Средь бела дня! Долго они у власти, совсем стыд потеряли, никого не боятся! А потом вытащили зубочистку, одну на всех, и стали по очереди как ни в чем не бывало в зубах ковырять. А продажные центральные каналы так и не показали...

— Во-о-он!!! — услышала я нечто похожее на рывканье профессора Соколова, учившего Фросю Бурлакову академическому вокалу, и чуть не выронила телефон. — Вон из моего эфира, пранкеры вонючие, уе...ки недоделанные! — Горыныч страшно кривил рот и плевался в микрофон. — А впрочем, идите ко мне, бандар-логи! — цитировал многожды цитируемое. — У нас звонки без премодерации, выводим с пульта сразу. Только суньтесь, падлы, мозг вынесу, кровь из ушей польется! Обожаю людей, которым нечем заняться...

Горыныч вроде бы принял вызов, но после эфира сразу распорядился — временно запретить звонки на всех интерактивных программах.

Когда удалился в свой кабинет, все таракашки выбрались из укрытий, в том числе и мы с Василей. В коридоре нас поймал Второстепеннов, тоже весь в печалях после пранкеров. Меня он, как всегда, в упор не заметил. Зато Василе предложил развеяться на Чистаках. Она наконец вернула себе прежнее самообладание: изящно приподняла кисть к безупречному лицу, поправила прядь волос и соблаговолила взять его под руку с тем неподражаемым достоинством, какое не снилось Анфисе из «Девчат», собиравшейся на коммутатор с инженером Вадиком. Только что в жилетку мне плакалась и тут же ноги об меня вытерла! И ко мне вернулись мои туалетные переживания. Ведь иногда жизнь меняется только потому, что ты этого очень хочешь! Требуется неординарная ситуация, в которой смогла бы проявить себя, показать сильные стороны. Иначе все зря. Иначе всю жизнь буду довольствоваться малым, прятаться в кабинке, пережидать бурю. С такими решительными мыслями ступила на тонкий лед на пути к главному кабинету.

— Виктор Алексеевич, — робко постучалась.

— Какого х...? — взвырвался в мою сторону. Он держался за сердце, пахло корвалолом, и, кажется, дергался один глаз.

Это сразу остудило мой пыл, и всю уверенность как рукой сняло.

— Поговорить о своих шансах на «Голосе», — еле слышно залепетала.

— Ах, шанс! Вот еще одна с гонором строит на моих костях свои долгосрочные планы. Когда говорят о шансах, вспоминаю старый анекдот про блондинок.

— Я плохо работаю? — затекла весенней каплей в его холодную медвежью берлогу.

— Какое мне дело, как ты работаешь, если ты берега путаешь? Ясно же, что не до тебя! Вокруг меня бесчувственные, беспардонные сволочи! Вся сволота мира устроилась на мою радиостанцию! — хватался за голову и выл на икеевскую лампу.

— Я не сволота, — поправила осторожно, — и если вы поставите меня гостевым продюсером вместо Василя, то я докажу. Я смогу собирать вам эфиры, я научилась находить инфоповоды, и я не боюсь звонить *Бабе Яге против...*

— Как ты ее назвала? — переспросил вдруг Горыныч.

— Кого? — не поняла.

— Да Альбину Трахеншлюхен! Ты ж про нее?

— Простите, вырвалось, — опомнилась. — Василя — папина дочка, будущая рублевская жена, ей бы наследников рожать и про погоду на телике красиво вещать. Там думать не надо, там по суфлеру говорят. Но это не значит, что она не заслуживает уважительной интонации. А я точно ваш человек, мы одной крови!

Кажется, Горыныч не слушал меня. Пока раболепствовала, в глазах его загорался странный огонек, будто я нечаянно навела на что-то ценное.

— А смогла бы ей это прямо в глаза выдать? — зачесалось у него ухо — верный признак пришедшей в голову мысли.

— Кому? Василе?

— Да какой Василе... Я про Альбину Кюхельбекер.

— Вряд ли, — пожала плечами, — просто она довела до слез мою однокурсницу.

— На чье место ты теперь претендуешь, — поддели меня.

— Каждый сам за себя, — нашлась что сказать, — главное, не терять человеческий облик.

— Если этот облик изначально имеется, — со вздохом напомнил Горыныч.

Я хотела было что-то добавить или даже возразить, но он решительно перебил:

— Вот и поговорим об этом, душа моя, о делах наших скорбных, — поднялся с места, шумно сгреб со стола связку ключей и телефон, — прощвырнемся, проветримся, что ли.

7.

Мы вышли из редакции. В сумерках среди деревьев мерцала нитка вечерних огней. На бульваре настоящие народные гулянья. Количество людей всегда заметно прибавляется после окончания рабочего дня. По всему периметру рассредоточились музыканты, а возле памятника благодаря проектору и колонкам стихийный киносеанс «Статского советника». Люди в непринужденных позах рассыпались перед экраном. Я невольно залюбовалась породистым гримом Михалкова-Пожарского и заслушалась его финальной речью как единственного спасителя государства российского.

Видно, что Горыныч тут впервые, с затаенным любопытством изучал местное устройство. И я спешно принялась за экскурсию, будто строгая комиссия сверху приехала.

Горенко благодаря его комплекции отовсюду видно. Старался говорить тише, но все равно голос на тон выше. Чтобы никому не мешать и не быть узанными, встали чуть в отдалении. Но Горыныч быстро заскучал. По местной традиции походили со всеми вокруг фонтана. Но пока хороводили, Горынычу дюжина знакомых встретилась по пути, в том числе Второстепенов с Василей. Со всеми надо раскланяться, перекинуться парой слов. Василя, конечно, обалдела при виде нас! Не могу скрыть самодовольства. Почувствовала себя начальником отдела очистки, которого еще раньше подобрали в профессорскую семикомнатную квартиру: *«Может, я неизвестный собачий принц — инкогнито. Очень возможно, что бабушка моя согрешила с водолазом».*

Горыныч тем временем немного успокоился, нервный тик прекратился, состояние его пришло в равновесие, впрочем, как всегда, ненадежное.

— Как вы себя чувствуете?

— По сравнению с Бубликовым неплохо. Если врач не знает, какой диагноз, или не хочет копаться, он ставит «вегетососудистую дистонию».

Не сговариваясь, облегченно сошли с этого суетного круга и нырнули в темную аллею. Ни одной пустой лавки или пяточка на газоне. Возле дерева в спальном мешке безмятежно спит или притворяется спящим какой-то уставший человек. Вряд ли бомж. Над ним склонились с камерой, светят прямо в лицо, с помощью синего или зеленого (в темени не разобрать) микрофона, которого здесь все боятся, пытаются взять интервью, раскидав вокруг бутылки и банки. Назавтра на одном из центральных каналов появится репортаж о пьяных дебошах *гуляющих* на Чистаках. Свидетели зовут на помощь дружинников. Мы не стали досматривать, чем дело кончится, и двинулись дальше.

Все невольно обращали на нас внимание. Горыныч выделялся среди всех остальных, а я рядом рыбой-прилипалой не отставала. Видимо, этот контраст создавал комичный эффект.

— Вы как Леон и Матильда, — у нас за спиной кто-то снял с языка, — не хватает вечнозеленой аглаонемы.

Мы с Горынычем синхронно обернулись, и на меня тут же набросилась фотовспышка. Я зажмурилась, попыталась содрать ее с глаз, боясь, что повредили сетчатку, на ощупь, как впотьмах, нехстати натыкаясь на череду прохожих, сделала шаг в сторону, растоптала клумбу... Когда пришла в себя, Горыныч в отдалении общался с каким-то худеньким парнем в накинутах капюшоне. Наконец тот удалился, а мой начальник ко мне вернулся.

— Одолели поклонники?

— Очередная бестолочь, как и ты, — туманно пояснил он.

Мы устали фланировать в поисках свободного места. И даже проголодались. Перешли на другую сторону и устроились среди кадочных гортензий на летней веранде ресторана, в котором Горенко иногда обедал. Всегда поражала эта неискоренимая тяга москвичей дышать на террасах выхлопными газами, будто живут на Лазурном берегу. Мой спутник после корвалола попросил себе водки и в качестве закуски фаршированной селедки. Вот ведь все ему в жилу! Я поначалу из ложной скромности отнекивалась, но увидев, как Горынычу эффектно подали запотевшую стопку и рыбную нарезку, настоящее произведение искусства, заказала яблочный штрудель и коктейль цвета «Фэйри».

— Ну что, Марфушенька-душенька, давай разбираться, чего мы хотим друг от друга? — покрутив стакан вокруг своей оси, первым начал Горыныч.

Главный редактор крупной радиостанции сел со мной за стол переговоров? В чем подвох? Где скрытая камера? Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Впрочем, Горенко — человек занятой. Так чего ходить вокруг да около, голову пудрить, чужое время отнимать?

— Я хочу реванша! — поерзав на стуле, призналась.

— Какого такого реванша? — усмехнулся, — Дитятко, у тебя жизнь только началась.

— Вот именно, Виктор Алексеевич! Я изначально в пожизненном проигрыше. Жизнь как следует не началась, и вот уже... Знаете, как в «Маленькой Вере», которую все помнят, но не за то, за что надо: «Вроде самое счастливое время, а мне же выть хочется!»

— Старуха, что ты знаешь о Проигрыше? Мог бы тебе рассказать, но не буду, — тяжело завел глаза и взглянул ласково. — Растинька ты мой в юбочке.

— Мне больше по душе Бекки Шарп.

— «Бекки Шарп», боюсь, ник занятый. А хорошее было бы название у твоего блога.
— Какого такого блога? — хищно отплюнула коктейльную трубочку.
— Блога на сайте, — внушительно зыркнул, будто для затравки бросил, испытывал, щеголял перспективами, как сытый дразнил голодного свиной рулькой или румяным калачом, — мне в принципе импонирует твой эмкашный стиль, хотя ничего особенно-го: полуправда вкрапляется в измышления. Но публика — дура, твой нынешний пост отлично зашел аудитории, я держу руку на пульсе.

— А я рассчитывала, что пишу а-ля Соколова.
— Не обольщайся, для этого нужны стальные яйца, а не синие волосы, — спустили меня с небес, — и это помимо должности помощника: на тебе организация встреч, общение со СМИ, заказа билетов и так далее. И если блог — это предложение в порядке бреда, в тестовом режиме (если справишься), то личный помощник точно необходим.

У меня не было слов. Точнее, были, но совсем непечатные. Неужто понравилась? Наконец-то разглядел родственную душу (нутром чую, клюнула рыба, такие же верные ощущения были, когда Сима зачислила на курс). Иногда в пылу вдохновения без всякого родственно-постельного блата умею внушать симпатию и доверие. Это мой дар, который ни на что не променяю, моя путевка в жизнь, ключ ко всем замкам, пропуск во все закрытые заведения и сообщества.

— Атракцион невиданной щедрости, — недоверчиво протянула.
— Ты ж сама просила! Передумала уже? Зассала?
— Одно дело просить, другое — исполнить.
— Я тоже хочу реванша, — придвинулся ко мне доверительно, — хочу поставить всех на место и заткнуть всех за пояс. Поднести к их рылам зеркальце, чтобы наконец узрели себя и прекратили преследовать меня. Им, видите ли, можно рассуждать о свободе мнений, а мне, значит, нельзя! Постоянно попрекают, будто я бывшая валютная проститутка из «Интуриста».

— Да про кого говорите? Про кремлевских, что ли? Они вроде вас неплохо терпят.
— Да какие «кремлевские»? — поморщился и снова откинулся на спинку стула. — Я о тех, про кого говорят: «Враги человека — домашние его». Вот и у нас на «Голосе» любят повторять, что мы семья!

— Ваша команда? Это вы после пранков расстроились. Не берите в голову, завтра помиритесь, — осмелилась советовать, не вынимая трубочку из рта.

— Сима говорила, что девица ты на редкость дремучая, потому и делюсь с тобой откровениями. Ты горазда на глупые советы, но дальше этого стола, надеюсь, наша душевная беседа не выйдет, потому что тебе не хватит ума понять и передать ответственности ее точный смысл.

На некоторое время наше внимание отвлек флешмоб, устроенный прямо на проезжей части. Гуляющие на зеленый свет ходили туда и обратно.

— Да дело даже не в Сашке, — досадливо хлопнул по столу, — который привел меня разгребать авгиевы конюшни, за что бесконечно ему благодарен. Но я пришел в готовый коллектив, как и ты. Согласись, мало приятного. И было условие — никого не увольнять. Когда-то мы вместе защищали Белый дом. Но я долго думал и понял: мне с этими людьми не по пути. Я больше не хочу работать с теми, кто застал Советский Союз.

— Куда же их всех денешь? — почти поперхнулась.
— В черную работу, землю копать! — в своей категоричной манере отвечал тот. — Меня тошнит от этой двуличной серости, до которой до сих пор не дошло, что живут в веке технологий и Интернета. Зато любят под водочку вспомнить, как у них по молодости крепко стояло и как им с полпинка давали ныне затасканные курортные шлюхи. Более лицемерных и отсталых тварей в жизни не встречал. Они не хотят пе-

рестраиваться, не умеют внедряться. Они ничего не понимают, не интересуются, зато им все не нравится. Я нахожусь в каком-то вакууме, облеплен старой перхотью. «Они называли меня пятнистой лягушкой. Да! Да! И еще земляным червяком!» Часто вспоминаю свою срочную на Северном флоте и ощущаю себя на подлодке в Гремихе, из которой действительно никуда не деться: кругом целыми сутками люди и механизмы. И больше ничего, никакого выхода, никакого воздуха! Я не могу в одиночку тянуть целую подлодку. Популярность радиостанции держится исключительно на моих эфирах! Все остальное балласт! Мне нужна молодежь, которая в состоянии говорить со мной на равных (откровенно предлагать себя, как ты) и, главное, начистоту.

Так он подводник! В Википедии об этом ни слова. Вот почему после той трагедии не выдержал наглого вранья и обнародовал убойный материал. Не по заказу опроверг официальную версию, а по велению души.

— Попробуй вам возрази, вы ж сатанеете на глазах, — подсказала ему.

— Да? — искренне удивился Горыныч и оглядел себя. — Не замечал. Но чтобы полноценно работать с миллениалами, еще столько времени пройдет! Нашей старой плесени вы в подметки не годитесь по уровню мышления и рефлексии. Мы умные и долгоиграющие. Мы были королями, причем незаслуженно. А вы пока просто сообразительные, смекаете все способы монетизации. И так же быстро сгораете.

— Мы дети девяностых, — шумно собрала трубочкой остатки, — умеем отжать!

— Да что ты к ней присосалась? — поморщился от действующего на нервы звука. — Может, еще заказать?

Гулять так гулять! Раз уж ресторан позиционировал себя с русской кухней, с разрешения Горыныча попросила красного крымского вина чуть ли не из самого грота Голицына. Хочу проверить, так ли одинаково от дорогого напитка окрашиваются зубы.

— А правда, что на подводной лодке в рацион входит вино?

— Сто грамм, и то, когда запускают реактор, чтобы вывести нуклиды, — отвлекся немного, — но пока нас спасают протесты. Эфиры заполнены, за счет них мы держимся на плаву. Мы на виду, нас нелегко закрыть. Но пройдет лето и бабье лето, вернутся в Москву холода, и волна схлынет. Останется кислое болото. Вот такой нехитрый расклад. Так что не придется тебе, девушка, здесь работать. Будем вместе искать работу. Тебе легче, тебя никто не вспомнит, а мне в спину будут шипеть свои же, что я похерил радиостанцию, — грустно подытожил, — они позвали меня, чтобы в будущем, по окончании мира оправдаться перед собственными детьми. Собственную трусость и подлость можно свалить на другого, более сильного и умного. При мне всегда буду виноват я. Если бы меня не было, меня надо было придумать.

— Мир кончится, а потом придет весна, и все по новой! Не переживайте, тема протестов никогда не перестанет быть актуальной.

— И ты, наверно, никогда не слышала слово «невыездной», — задумчиво произнес Горыныч, — после ГКЧП мы целых двадцать лет жили в летаргическом сне, гражданского чувства так и не выработали. Самыми активными были, есть и будут пенсыкоммунисты, а не студенчество, как положено.

— Виктор Алексеевич, ну вы же в некотором роде сами виноваты в своем кислом болоте. Перестаньте дружить с теми, кого зовете на свои же эфиры. Вы там друг другу нахваливаете, хихикаете, аккуратно подбираете слова, боитесь обидеть. Точно слушать. Ворона вороне глаз не выклюет. Даже пранкеры сегодня не выдержали, поджарили вас на масле и, между прочим, оказали невосполнимую услугу: бесплатно подняли рейтинг. Всех этих непререкаемых авторитетов надо потрошить, чтоб сопротивлялись и не боялись собственных реакций. Тогда все увидят, кто есть кто, аудитория расширится, денежка посыплется, и пранкеры, может, донимать перестанут, переключат свое внимание на других сонных тетерь.

— Тогда авторитеты перестанут к нам ходить, аудитория перестанет нас слушать.
— Тогда грош им цена в базарный день! — переняла его манеру изъясняться.
— Это не ответ. Ты не на своем журфаке. Ты на серьезном дорогом ресурсе. Здесь другие риски, другие способы принятия решения.

— В данный момент я в пафосной ресторации с не очень трезвым главредом.

— Я не мог позволить себе быть откровенным хамом, как ты! — больше оправдывался, нежели ставил на место. — У тебя за душой ничего, кроме твоего, как ты говоришь, чувства реванша. Я этого в свое время наелся, — провел ребром ладони по горлу, что получилось как угроза, — тогда каждый в меня плевался. У меня свой накопленный бэкграунд. У меня руки связаны. Я не могу быть разбойником с большой дороги, красть чужую репутацию. Потому что своя дороже. Меня чуть не закрыли, знаешь ли... Но мне нужна голодная и злобная свора, те, кто вызовет огонь на себя.

— Неужели я произвожу такое впечатление?

— Ты синепатлатая милаха, — поспешил успокоить, — не знаю, будет ли из тебя толк. А что бы ты предложила на моем месте?

— То же, что и другие, — пожала плечами, отвлекаясь от трубочки, — расширение аудитории, монетизация, постоянные хайповые темы, разные скандалы.

— А если их нет? — теперь очередь Горенко прикидываться дурачком, единственное, что плохо ему удается. На самом деле это очередной экзамен, проверка на шивость, сверка интерфейсов. — Ну бывает же информационное затишье.

— Значит, их надо создать. Всегда в мире что-нибудь да происходит. Каждую минуту нас грабят, насилуют, пытаются и убивают. Каждый день пилят бюджет, прячут в офшорах, берут взятки и подбрасывают наркотики. Каждую неделю ссоримся со всем миром. Каждый месяц в небе загораются и падают самолеты. Каждые полгода нас затапливает, взрывает из-за утечки газа, поливает ледяных дождем и заметает снегом. Каждый год школьники сдают ЕГЭ, а президент у одной и той же тетеньки покупает мороженое. Каждые два года наша сборная стабильно вылетает. Каждые четыре года нашу сборную не берут на Олимпиаду. Каждые шесть лет мы выбираем себе власть, и каждый раз нас не устраивает сделанный выбор. Каждые десять лет грядет апокалипсис, на нас летит метеорит, а Пугачева собирается на заслуженный отдых... Найти стоящую историю не проблема, главное, не лениться, и каждая история, особенно несправедливая, бьет честного человека наотмашь, он не может не реагировать. Потому вас слушают, потому у вас столько просмотров и лайков.

Садись, пять! Гляжу в тебя, как в зеркало, до изнеможения... Взгляд его потеплел то ли от моих слов в качестве новоприобретенного единомышленника, то ли от количества выпитого. Рюмки опустели, селедка сожрана. И снова, облокотившись на стол, принялся осоловело тарачиться на мои волосы. Чтобы сбить его прицел, напомнила:

— Только ведь грех вам жаловаться. Вы один из первых зашли в эти мессенджеры, освоили новые платформы общения, и у вас лучше всех получается троллить и безумствовать. Зачем вам кто-то еще, тем более начинающий? Я же знаю, что я полный ноль. Мне для того, чтобы хоть чуточку подрасти в медиaprостранстве, чтобы к моим словам прислушивались, нужно пахать и пахать. У меня на личной странице от силы пятьдесят френдов и двадцать подписчиков, да и тех периодически подчищаю, не желая быть в чьей-то свите. И кто меня, такую скромнягу, слушать-то будет?

— Во-первых, как юную помощницу главного редактора будут. Никто не вызывает столько желчи и зависти у старческой немощи, как случайная нахальная деваха, вчерашняя пэтэушница и предполагаемая любовница начальника. Она синими волосами и джинсами, едва прикрывающими лобковую часть, спровоцирует их, внешне приличествующих интеллигентов, на гнусные сплетни. Ведь ни на какую критическую

мысль они более не способны, кроме того: от кого родила гимнастка, кто изнасиловал матрац и с кем сегодня вечером ужинал Горенко. Никого больше не интересует существующий или несуществующий холокост, оправданность или неоправданность блокады Ленинграда, необходимость или отсутствие необходимости Бессмертного полка... Во-вторых, я многим предлагал. Многие отказываются от моего непристойного предложения. Твоя Василия не потянет (советовался с Симой), она породистая холеная баба, ноги от ушей, но не боец, нелюбопытная, квелая, спит на ходу, к тому же из порядочной семьи. Честно, мне ее жалко.

— А меня, значит, не жалко? — опешила.

— Покамест не жалко, — просто признался Горыныч, — я тебя не знаю. Но пока. Но мне придется тебя защищать. Я твой змей-искуситель и несу ответственность за того, кого совратил. И свою Еву я не кину, как меня в свое время бросили на середину реки барахтаться в одиночку, добираться до суши. Но я вышел сухим из воды, поэтому можешь на меня положиться. Никому тебя в обиду не дам. Всегда буду на твоей стороне, — очень трогательно пообещал, от чего я с непривычки поежилась.

Ни с того ни с сего снизошло откуда-то из прочитанного: «Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит; я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления». На меня иногда находят выученные строки, при этом могу не помнить откуда.

— Будет непросто, это точно, — делился опытом, — но также обещаю, что будет интересно. И скорее всего, за год выгоришь. Ты ведь не робот, а всего лишь маленький калькулятор. Никто не выдерживает состояния вечной войны. Никто не выдерживает того, что все о тебе думают то, что не совпадает с тем, что есть на самом деле. Но под давлением гигантских пластов земной коры антрацит превращается в алмаз. Как-то так.

— Сдается мне, я не алмаз. Я пушечное мясо, — грустно заключила про себя.

— А какой у тебя еще выход, душа моя, кроме как грубить приличным людям? — шутил в своей манере Горенко. — Как тебе еще зацепиться: ни внешности, ни родословной, ни талантов? Постоянно забываю, из какой ты республики? Что-то связано с камнями: то ли камням у вас там поклоняются, то ли камни за местную валюту идут. На что ты еще годишься, сирота моя казанская? Замуж ты не хочешь, в московские содержанки не позовут, а заниматься чем-то надо, расти, как ты говоришь, в медиапространстве, — с иронией напомнил мои же слова.

— У меня даже нет рабочего места.

— Так уж и быть, — подмигнул обаятельно, — куплю тебе садовый складной стульчик.

На том и порешили. На бульваре попрощались. Я направилась в сторону метро, он же пошел обратно к редакции, где на парковке, поблескивая хромом под ярким светом уличного фонаря, дожидался верный «харлей». Вдогонку на всякий случай напомнила о количестве выпитого. Горыныч в ответ горделиво вскинул голову:

— В семидесятые прошлого столетия Владимир Семенович рассекал по сонной столице на серо-голубом «мерседесе». И гайцы отдавали ему честь. А в десятые годы двадцать первого века улицы Москвы будит ревом Витя Горенко. И гайцы салютуют!

Я умилилась: «Ну ребенок! Чистый подросток! Нервный, нежный, самолюбивый». И двинулась дальше со всей толпой. На несколько минут выпала из реальности, потеряла с ней связь, не замечала никого вокруг себя. Ощупывала, остужала прохладными ладонями разгоряченное лицо, пытаюсь вернуть поплывшее чувство действительности. Но опьяненная радужными перспективами, окрыленная доверием влиятельного

человека и в то же время прижатая к земле ответственностью, по-прежнему была далека от всего сущего. В меня будто поместили целый значимый мир, и теперь, покорно вынашивая его, чувствую себя необходимой и защищенной. Горыныч — мой личный терминатор из второй части, мой бодигард и даже ангел-хранитель.

Внезапно очнулась от воя мотора, машинально обернулась. Мимо меня, нарушая скоростной режим, пронесся «харлей». Но больше всего поразил пассажир Горыныча, тот самый парень в надвинутом на глаза капюшоне, ослепивший фотовспышкой, а теперь преспокойно восседавший за спиной водителя. Парень, глядя на меня в упор, вдруг выполнил известный жест рукой «от сердца к солнцу».

8.

На следующий день Горыныч ждал трудовых подвигов, под меня создали учетную запись, и я, недолго думая, написала то, о чем вчера на террасе успела высказаться, но в более развернутом виде. Чего далеко ходить, в качестве главной мишени выбрала того самого незабвенного Леву Волкенштейна, профессионального диссидента, чтобы разом ударить по всей этой публике. Подобным людям на биологическом уровне, в силу происхождения несвойственно созидательное чувство патриотизма. Любить априори то, что с малых лет окружает и насыщает. «С чего начинается Родина? С картинки в твоем букваре». Они озлобляются, сливаются с местностью, развивают прекрасные таланты и коммуникативные навыки и начинают вести подрывную деятельность, внушая неокрепшим умам, попавшим под их обаяние, что любить родину — плохо! *Эта страна* — черная дыра, вечная зона, полоса отчуждения, здесь ничего не работает, кроме ГУЛАГа и опричнины, все смыслы провисают. По выжженной территории катится без дела генетический мусор, как перекати-поле, высохшие части растений в виде больших, катающихся по ветру шаров.

Вытравливая все естественные чувства, родовую память, базовые ценности и здоровые инстинкты, недавние изгои возвышаются над потомками вчерашних победителей. Теперь их черед злорадствовать и внушать чувство неполноценности. Эти угнетатели не понимают, что мы собственным бездорожьем и невежеством просто защищаемся от враждебного внешнего мира и внутренних врагов. Один из приемов формирования неприятия к родной стране — нивелирование успехов ее руководителей. Чтобы победить врага своего — воспитай его детей. Но *пока свободой горим, пока сердца для чести живы*, вскормленным предателям никогда не собрать марш миллионов супротив Бессмертного полка. Они его боятся как огня. Им не угнаться по количеству, потому что это порыв души, а не за отгул на работе, как они утверждают. Память предков, подвиг народа — единственно доступный (за неимением украденной идеологии) социальный клей, усвоенная схема, крестное знамение, освещающее внутренние и телесные силы. Наших дедов давно уж нет, а они продолжают побеждать и сохранять нас от нас же самих. Враги обвиняют нас в том, что с нами нельзя жить в мире и согласии. Мы же отвечаем, что с нами можно выиграть любую освободительную войну...

Прошлась быстро глазами и отправила на одобрение Гадельшиной и Горенко. Ответ от редактора сайта пришел раньше. Она не скупилась на эмоции в виде смайла «рукалицо». Чуть позже не поленилась добавить: «Что за чушь собачья?»

Но ничего, оставался еще Горыныч, из-за утреннего эфира ответивший позже, но так же емко — кивающим смайлом! И я публикуюсь. Гадельшина гневно застрочила:

«Удаляй! Это ничего не значит!»

И, видимо, дальше вступила в препирательства с самим Горенко, который в данный момент, вообще-то, вел эфир. Заодно пожаловалась Второстепенному, судя по тому, как

оперативно тот прискакал в редакцию. После чего, слышно, все втроем заперлись в главном кабинете и на повышенных тонах долго и упорно выясняли отношения:

— ...Мое слово ничего не значит? Ты кто такая есть? — лютовал Горыныч. — Тебе хватает наглости тр-репать нервы, запугивать моего журналиста, отвлекать истериками?

— Почему зона ответственности на мне, а решение принимаю не я? — огрызнулась та.

— Дисциплина пр-режде всего! Выйти из стр-роя! За р-ропот расстр-рел на месте!

Гадельшина не выдержала и со слезами выбежала из кабинета.

— Виктор, приди в себя, — пришла очередь Второстепеннова горячиться, — она прежде всего порядочный человек. А ты уже превращал российскую журналистику в руины. Камня на камне не оставил. После тебя люди заново себя собирали. Хватило ума позвать тебя на все готовенькое, а мы с нуля, буквально на коленках все создавали. И еще позволили сделаться порядочным акционером.

— Российская журналистика! Как вычурно, аж до блевотины. Ты позвал, чтобы я вытащил радиостанцию из руин. Она ж загибалась у вас. Ее слушали три калеки. Меня же слушает треть ежедневной аудитории всех радиостанций. Я пашу как проклятый.

— Калека — это твоя полудурочная косплейщица, обезьяна с гранатой, которую Сима, еще одна сытая карьеристка, не удосужилась научить элементарной журналистской этике, орфографии и пунктуации. Мне рассказали, как это чудо еле-еле учится на своем журфаке, она на грани отчисления. Теперь же руками безграмотного и безответственного ребенка собираешься похерить большое дело.

— Насколько я внимательно читал ее опус, там не было никаких утверждений. Все было расписано по принципу вопросов без ответов. Пусть поиграет дите с кнопочками, почувствует себя человеком. Профессионализм придет. Дай ей пару лет, она горы свернет.

— Вот в этом и разница: для тебя радиостанция — игрушка, у тебя кризис среднего возраста, а для меня это целая жизнь!

— Кризис среднего возраста у тебя! Это ведь ты выгуливаешь по Чистопрудному бульвару жеманных красавиц на лабутенах, — не преминул напомнить о вчерашней встрече у фонтана, — Саша, пойми, нам нужна турбулентность вокруг «Голоса». И я не обязан вечно под тебя подстраиваться. Я не могу нанимать человека, который нравился бы исключительно тебе или твоей Гадельшиной...

Пока они собачатся, на мой пост обрушиваются комментарии, а число личных подписчиков неуклонно растет. Не знаю, радоваться или паниковать. Нежданно-негаданно в разгар этих обсуждений, как бы намеком на наши с Горенко внеслужебные отношения, прилетает вчерашняя совместная фотография на бульваре (добро пожаловать в век цифровых технологий), и вброс фекалий на вентилятор увеличивается, ветка разрастается. Все эти зловонные потоки собираются и застывают в моей голове в виде сплошного неразборчивого кома:

...Тупая мальвина рассуждает о моей скорби и памяти!

Теперь понятно, каким местом эта кремлеботка туда пробилась.

Воинствующая бездарность.

Наглость — второе счастье.

Ей бы школу сначала закончить и дать денег на стилиста.

Что это за волосы нынче носят юные совкодрочеры?

Пусть Горенко засунет свою синюю маргышку себе обратно, откуда высрал.

Мне плевать, что он с ней спит, но как можно быть такой откровенной дурой?

Горенко сотрудников по объявлениям теперь набирает?

С такими пробелами в истории и в воспитании работать на главном радио?

Горенко, как всегда, выигрывает, он на фоне таких сотрудниц выгодно отличается. Диагноз: narcissistic personality...

Прав был Горенко — я себе больше не принадлежала. Не думала, что будет так тяжело! Больше всего боялась, что позвонит мама. До последнего надеялась, что до нашего угла не дойдут сплетни. Наши знакомые интересуются политикой, только когда по федеральным каналам передают новости. Вряд ли кому-то из них будет интересна отдельно стоящая банка скорпионов с ее неповторимым микроклиматом. Но вместо мамы как гром среди ясного неба звонок от Симы. Она-то точно догадывалась, в какой бульон меня покрошили! Я не стала брать трубку. Ну что нового скажет? Начнет наставлять на путь истинный, стыдить, дескать, моими руками разваливают одно из последних почти придушенных СМИ. А у меня теперь другая путеводная звезда. Сделанного не воротишь, ничего не исправить. Меня с «Голоса» только вперед ногами. Это место не променяю ни на что другое. Я вытащила главный собачий билет в своей жизни.

И вообще закралась шальная мысль: к учебе не возвращаться, уйти во взрослую жизнь. Горыныч возьмет меня в штат, буду снимать квартиру, учиться самостоятельности. Все равно диплом не даст того, что у меня уже есть. Весь мир в моем кармане. Я у Горенко за пазухой. Правда, пока он отмалчивается, к себе не подпускает даже по оргвопросам, наблюдает со стороны, как меня замечает дерьмом.

На следующий день Волкенштейны на своей странице разразились тирадой:

В течение прошлого дня в нашей квартире раздавались звонки и приходили люди. Нам звонила вся Москва, нам писали со всей России. Это к слову, о поддержке.

До последнего надеялись и верили (Лева в меньшей степени), что вслед за публикацией на сайте «Голоса», написанной помощницей главного редактора, с нами свяжутся, принесут извинения, объяснив досадной ошибкой, которые, разумеется, тут же были бы приняты. Однако мы оказались слишком наивными.

Когда-то радиостанция являлась нашим домом, нашей мастерской, мы черпали силы, мы питались друг другом. Тех дней уж нет. Это предательство близких, предательство базовой аудитории, предательство нескольких поколений. В наших рядах и без того отсутствует элементарная солидарность, порядочность. Всех по одному зачищают, а теперь еще больше разобщают. Дом разграблен, пришли мародеры.

Засим откланяемся. В свою очередь, отзываем данное прежде разрешение редакции «Голоса» публиковать на сайте любые материалы из наших соцсетей.

Диагностируем у радиостанции опухоль мозга. Скорбим и плачем. Желаем хирургического (оперативного) удаления и скорейшего выздоровления.

И Горенко, можно сказать, приперли к стенке. В своем блоге обратился к публике:

Хотел бы извиниться перед нашими слушателями и посетителями сайта, которые могли почувствовать себя задетыми высказываниями некоторых наших молодых авторов. Но вынужден напомнить, что «Голос Москвы» — площадка для дискуссий различных политических сил и структур. Радиостанция никогда, даже до моего прихода на пост главного редактора, не позиционировала себя радиостанцией оппозиционного толка. Мы информационно-аналитическое радио! Не знаю, как в других СМИ, но наш журналист всегда имеет право на мнение. На том и стоим.

Отдельно добавлю, что сожалею об отказе важных для нас авторов и экспертов сотрудничать с «Голосом» и надеюсь, что после моих извинений они вернуться к рассмотрению вопроса о сотрудничестве.

Съели? Непосвященные думали, что меня тут же, как кутенка, погонят поганой метлой. И тем внимательнее изучающие взоры с налетом осуждения (со стороны старой гвардии) и зависти (со стороны стажеров). Даже Василя во мне что-то разглядела: бросает исподтишка оценочные взгляды. Ее, кстати, перевели в референты. Ну правильно, будет на входе служить оберткой и шуршать юбкой, встречая и провожая гостей. Жизнь все расставила по своим местам!

Кажется, из-за увольнения горячо любимой Гадельшиной мне устроили негласный бойкот. Подумать только, я сказала первое попавшееся слово, и на меня тут же набросились. Раньше, когда говорила по делу, хоть бы кто прислушался!

Я не выдержала и сама пошла к Горынычу. Даже не оправдываться или благодарить за заступничество, а поглядеть друг другу в глаза. Ведь соучастники иногда переглядываются и обсуждают общие дела?

— Бить будете, папаша? — вхожу с вопросом.

— Учись хамить красиво, балда! — едва взглянул. — Цивилизованные люди потратили века, чтобы выработать оптимальные способы коммуникации, а ты...

— А я как вы!

— Как я? — вылупился на меня. — Да хрена с два, девица! Неприкрытое хамство в журналистике — это черная метка, приговор, смертельный диагноз, который нам как раз пожелали. На одном хамстве далеко не уедешь.

— Это все витало в воздухе. С детства мешало, отравляло, понимаете? Я лишь озвучила и высвободилась.

— И отравила собой воздух. Ладно, забей, — смягчился наконец, отложив ручку, — всеобщим уважением пользуется только пустое место. Любое интересное мнение должно вызывать здоровую дискуссию. Чтобы прослыть порядочным человеком, просто ничего не нужно делать. А функция журналиста именно в том и заключается, чтобы больше всех огребать, чтобы быть хуже и гаже всех. Журналист — это ведь большой дилетант, отовсюду знает понемногу. Главное, быть убедительной, и неважно, что исповедуешь. Дальше-то что будешь делать?

— Не знаю, — пожалала плечами, — это ведь только начало.

— Это только начало, и ты уже не знаешь, что делать? Знай цель и выбирай под нее средства достижения.

— Я могла бы вести собственную авторскую программу. На журфаке меня часто ставили модератором. Я отлично справлялась.

Горыныч посмотрел на меня, будто я вместо пальца руку ему по локоть откусила. А чего мелочиться? Жизнь проходит. Мне уже двадцать лет.

— Любей гасконец с детства академик? Хорошие аппетиты у амазонских пираний, — присвистнул, — о чем, если не секрет?

— Мы бы с приглашенными гостями разбирали самые обсуждаемые темы в сети. На самом деле планов тьма! Могу на первых порах взять интервью у Куник.

— Куник — баба хорошая, но тебе не даст, — оценил мои шансы Горыныч, — у вас разная плотность. Как масло и вода. О чем хочешь с ней говорить?

— В первую очередь о голодовке, естественно.

— С голодающим о голодовке? Seriously? О голодовке можно говорить только на сытый желудок. С заключенным концлагеря об ужасах концлагеря можно говорить только после его освобождения. На твоё счастье, недолго осталось. Лагерь скоро зачистят, ее переведут на принудительное кормление. Инсайд. Обществу не нужен распятый Христос.

Вот и все напутствие. Ни капли сочувствия (давно плавает в этом море нечистот, обвыкся). Ни грамма похвалы. И больше никаких авансов. А у меня творческий кризис. Хотя какое тут может быть творчество, когда на мне пахать и пахать.

9.

После ухода Гадельшиной и Волкенштейнов Горыныч стал сжигать мосты и перекраивать сетку вещания. Место редактора сайта занял Сережа Рыжинашвили, открытый и грамотный парень, один из немногих, кто, придя на «Голос» стажером, умудрился остаться. А начинал с освещения пробок. Второстепенное от действий Горенко хватался за голову. По несколько раз на дню забегал к нему кабинет, что неизменно после долгих споров завершалось скандалом. И продолжал делать вид, что меня не существует.

Садовый складной стульчик мне, конечно же, не купили, зато для ночных бдений обзавелась дежурной раскладушкой, которая на лето (после сессии нас, как обычно, выселили из общаги) придется кстати. Домой к маме не поеду, на дорогу много уйдет. Как всегда, перекантуюсь у каких-нибудь знакомых, коих бесчисленное множество, их можно чередовать, чтобы не успеть надоесть. Вещи отдала на хранение Костику. У нас на этаже, в соседней комнате (уж не знаю, на каких началах договорились местное ОВД и комендант общежития) проживают менты. С ними я даже отмечала прошлый Новый год, когда все разъехались по домам, а у меня накануне сессии сгорел жесткий диск... Слонялась неприкаянно по этажу, скреблась в двери и ревела белугой от беспомощности. Тогда-то и вышел в коридор заспанный Костик в спортивном трико.

Добрые менты подобрали, обогрели, разговорами заняли, выдали левый, видимо, отжатый у кого-то ноутбук... Засиделась у них тогда. Все лучше, чем одной справлять Новый год. Бедному студенту не нужно тратиться на продукты, холостым ментам не надо готовить. Я нарезала им разных салатиков, сварила готовые пельмени, открыли шампанское... После полуночи завалились по пути отметить дежурившие пэпээсники. Пока они пили штрафные, хмельной Костик позволил мне из окна сделать одиночный выстрел из автомата. И к пушечному неудовольствию коллег, заныкал для меня под отчетный боевой патрон. Гости, разобидевшись, уехали, а мы с Костиком оставшееся время до начала его дежурства целовались под лестницей. Милый Костик. Он даже внешне похож на своего тезку из «Покровских ворот». Но дальше дело не пошло: я в то время страдала по Вильданову, а Костику вообще было все равно. Мои нежные чувства впоследствии растоптали, а вот с общажными ментами приятельство продолжила.

Вообще меня вряд ли расстроит возможность навсегда расплываться с учебной-каторгой и комнатой-тюрьмой, посредством старого линолеума впитавшей намертво неприличные запахи предыдущих хозяев. Будь то жаренная по-вьетнамски селедка или чья-то упрямая невоспитанная кошка, которая, как известно, выбрав себе однажды отхожее место, заведенным привычкам не изменяет: годами педантично гадит под чьей-нибудь кроватью. Ясное дело, от такого подарочка трудно избавиться, какой бы химией его ни вытравили. Я однажды не выдержала и вырезала этот кусок линолеума, о чем соседка по комнате не преминула сообщить куда следует. О том ли мне жалеть?

Комментарии читать забросила, дело это токсичное, ничего нового. Зато личным сообщением прилетал грозный спам. Среди всего прочего ссылка, на которую сначала не обратила внимания, мало ли мошенников нынче развелось. Но привлекла аватарка, уже попадавшаяся в обсуждениях: взъерошенная птичка, типа «angry bird», но ядовито-зеленого цвета и в клетке, больше похожая на слюнявого тролля или злую бабульку. Этот Мистер Икс с любопытным ником «Птицелов» один из немногих, кто пусть и в оскорбительной манере, но все же заступался за меня в коментах.

На ночь глядя, делать нечего, на свой страх и риск зашла по ссылке, и меня посетило дежавю. После той атаки пранкеров, продержавшей радиостанцию в осаде несколько часов, из-за чего Горыныч вынужденно отключил интерактив, я любопытства

ради уже забредала на «Prank Group». И залипла тогда на полночи. Чего там только не было! Прослушала самые популярные розыгрыши, которые, оказывается, по жертвам разделялись по темам: обзвон ОВД, коллекторы, гопники, кавказцы, звезды, пенсионеры... Особо позабавили и расшевелили «заказы под дверь жертвы». В ход шли пицца, найденные собачки, проститутки, гробы и неподъемное пианино. И пока нерусские курьеры, визгливые проститутки и замудоханные грузчики всем скопом старательно ломались в дверь, пранкер настойчиво просил их «стучать еще сильнее, а то дедушка в квартире глуховат». Слышались сиплые матюги, нерусские ругательства, собачий лай, удары в челюсть и спущенный с лестницы гроб...

Была и свежая нарезка радиохулиганств. В основном ничем не примечательные, однообразные техноразводы. Дозвонившимся явно не хватало словарного запаса, чтобы как следует измочалить эфир. Ведущие тут же выводили их и ставили в запрет. Но среди всех долгоиграющим коварством выделялся все тот же Птицелов. Он послушно представлялся, церемонился, первым не грубил, издавдала начинал изводить ничего не подозревающих ведущих и постепенно доводил их до белого каления.

Пока я, облокотившись на подушку, изучала сей нехитрый «контент» для бывателей, в редакцию позвонили. С раскладушки, на которой удобно расположилась, машинально, не глядя, протянула руку к столу, подняла трубку.

— Але, это АТС? — подделался кто-то под глухого старичка.

Тотчас узнала неподражаемые, чуть гнусавые нотки, которыми минуту назад наслаждалась на безопасном расстоянии. Озноб продрал по спине, и холодный пот выступил на лбу. В панике приподнялась на руках, зажав трубку между плечом и ухом. Не самые комфортные ощущения. Словно последнюю пару ночей играла со смертью безликой в догонялки, а тут она до меня добралась, облеклась во вполне живой тембр и теперь сторожит на том конце провода, приготовилась измываться.

— Вы ошиблись, — честно отвечаю, все еще рассчитываю на чудо, вдруг сия участь (быть разыгранной, записанной и выложенной в открытом доступе) минует меня.

— Как поживает представительница одной из древнейших? — голосом удовлетворенного живодера интересуется настоящий Птицелов.

Тут надобно вовремя капитулировать, не связываться с больными на голову и острыми на язык, больше не брать с этого номера, хотя номера со скайпа всегда разные. Или позориться до конца! Не умеешь — не берись, учит народная мудрость. Я же за доли секунды решила рискнуть и кое-как собралась с духом. Где наша не пропадала! Главное — не быковать, иначе нарвусь на шквал агрессии.

— А ты все пранкуешь? «Шакал я паршивый, все пранкую и пранкую, и у меня, не пранкуя, не получается»?

Короткая пауза. Не ожидал. Судорожно соображает. И тут же, понизив до змеиного шипения голос, снова вступает в игру, выдает новую порцию пакостей:

— А где же твой босс? Дракошко! Сегодня не повел тебя в придорожный шалман? Некому сиську давать? Ну хоть мне тогда покажи.

Я от возмущения готова переломать телефонную трубку, представляя его шею. Изю всех сил стараюсь не выдать дрожи в голосе:

— Голые — за большие деньги. Или по большой любви. Большая любовь тебе явно не грозит, причем с рождения. А вот за бабки... Бросай фигней страдать, устраивайся на работу, глядишь, через пятьдесят лет заработаешь на мою левую сиську.

Птицелов обрадовался, ступив на знакомую территорию, и пуще распоясался:

— Через пятьдесят лет твоя левая сиська, впрочем, как и правая, превратится в ухо спаниеля. Так что особо не обольщайся на свой счет, просто хотел приободрить по доброте душевной, вдруг ты вздумала в петлю лезть, узнав про себя много нового.

— Не дождетесь, — мстительно пообещала, а у самой слезы выступили. Все ж пробил меня! И неожиданно глупо себя раскрыла: — С чего вообще решил, что я — это я?

— Проходил мимо редакции. Увидел тебя в окне.

Еще больше стало не по себе.

— Маньячишь под окнами?

— Да ладно, расслабься, — перешел на обманчиво миролюбивый тон, — здорово ты пошебуршила этот муравейник говнопалкой. Горенко надоумил? Больше некому. Он же тебя втемную использует, сечешь, детка?

— Для человека со стороны ты слишком в курсе дела! Наверно, один из тех, кого Горенко выгнал с волчьим билетом. Много вас, таких обиженных, под окнами бродит.

— Я хотя бы сам по себе, — почти признался, — а вот патрон твой — слуга двух господ и без царя в голове.

Где-то я это уже слышала:

— Он хотя бы тридцать лет назад на работу устроился, в отличие от тебя.

— Шуты гороховые всегда при деле.

— Кто бы говорил, — напомнила с ехидцей, — можно подумать, ты научную диссертацию пишешь. Я в школе тоже чем-то подобным занималась. Мы с одноклассниками собирались без родителей, звонили кому-нибудь и спрашивали: «Это квартира Зайцевых?» — «Нет». — «А почему уши из телефонной трубки торчат?»

— Начались морализаторства! «Выбирай жизнь. Выбирай работу. Выбирай карьеру. Выбирай семью...» Пранк — это, конечно, не героин, и я не Марк Рентон, но тоже сознательный выбор, альтернатива вашему «нормальному» бессмысленному существованию. Вам удобно считать нас эдаким забитым народцем, никчемными неудачниками, которые сидят дома, последний хрен доедают, маются от безделья, никто им не дает, и за счет других, более успешных, тупо самоутверждаются.

— А разве не так? Если тебе не нравится, что все вокруг тебя получают, тогда не лезь к другим, не смей осуждать Горенко.

— В том-то и смысл, что я не осуждаю. Я пытаюсь донести мысль, что твой Горенко такой же, как и мы. Не лучше и не хуже. Он один из нас. Не сотвори себе кумира. Мы не борцы за справедливость, не срываем маски, как многие считают. Мы просто получаем удовольствие. Все ради лулзов. Вот главный смысл, — бахвалился он, — и Горенко не занимается делом. Он работает по приколу.

— А как же старички, которых вы донимаете?

— От пранка еще никто не умирал, смех продлевает жизнь. Мы звоним только тем, кто настроен выдавать негатив. Мы лишь заряжаем, даем возможность выплеснуть. Благое дело. Такое дело. Ну что, дашь на съеденье ваших аксакалов, которые на постоянной и платной основе из вашего радио ругают власть?

Я ошалела от такой наглости:

— Ага, ты нашел дурочку, а я потеряю работу. Прямые линии на радио теперь не принимают, и ты решил в обход запретам (через меня) покуражиться?

— Не бзди, русалка, не пострадаешь. Клянусь своей треуголкой. Полюбасу выцеплю номера, но через тебя сподручнее.

И я почему-то ему верю. Но пойти навстречу, сдать свои позиции — ни за что!

— Бог подаст, а я по пятницам не подаю. Я с вашим братом даже кадрили танцевать не стану, — и от греха подальше прерываю разговор.

Долго в себя прийти не могу. Семь потов с меня сошло, прежде чем бросила трубку. Передернула плечами, накинула пледик и покурила в форточку, тихонько с перепугу высматривая на улице какую-нибудь подозрительную караулящую тень. Но Чистаки спят. Спят в палатках и спят в домах, обступивших бульвар. Мне одной слышно слабое сопение сильной, неисчерпаемой духом Ольги Куник.

Долго ворочалась, прежде чем незаметно, без всяких четких границ, провалиться в забытье, в котором продолжила переживать о том, о чем думала наяву. А беспокойный сон мало того, что подкрался, как из-за угла, сам по себе оказался коварным: будто проснулась и собираюсь перед первой сменой. Полагая, что уже встала, лежу себе дальше, ни о чем не переживаю. Как спасение телефон вместо будильника бодренько затренькал сообщением. Как на пружине, подпрыгнула и подорвалась к экрану.

Неугомонный Птицелов. Зырь ссыль! Парню играть вздумалось, а я которую неделю не высыпаюсь. В отчаянии или спросонья мир видится таким, какой он есть, с адской подоплекой. Усиленно потирая глаза и медленно соображая, не сразу поняла, о чем речь в записи, хотя Горыныча по первым ноткам узнала тут же. Я, конечно, предполагала, что мой начальник далеко не выпускница Смольного. Он эдакий поручик из гусарских анекдотов. Но вроде бы давно ушел из «большого спорта», перешел, так сказать, на «тренерскую работу», солидная должность и все прочее, но тут продемонстрировал себя во всей красе! Оказывается, есть еще порох в пороховницах. Птицелов втянул его в телефонную историю с помощью технопранка (на вырезанные фразы одной скандально известной телеведущей, записанной ранее), а он повелся, думая, что общается с настоящей развратной шаболдой. Как отпетый хулиган, войдя в раж, Горыныч лихо выдавал набор самых отвратительных ругательств, на какие сподобил испорченный жизненный опыт и бурная личная жизнь.

— Заценила великого и ужасного Горенко? — злорадствовал в сообщениях Птицелов. — Видишь, как его прет? В свободное время полюбливает горячие свечи. И все они такие, как под копирку. Не гляди, что с виду интеллигентные. Вскроем это осиное гнездо?

— Где ты взял телефон Горенко?!

— Места надо знать. Не выдашь мне других, все равно добуду, сейчас это не проблема, а про тебя всем поведаю, что это ты засланный казачок.

— Вот я Горенко сейчас и покажу нашу переписку. Скрин уже сделала.

— Не покажешь, — не унимался Птицелов, — спорим?

Ох уж этот спорщик! Изначально не стоило с ним связываться. С другой стороны, что мне терять, кроме своих цепей? Карьерного роста все равно не предвидится.

— Ты ж вроде не дура, — уговаривал Птицелов, — пранк — полноценный жанр твоей любимой журналистики, вид общественной деятельности. Отнесись к этому как к расследованию, в котором есть новые плюсы: ты можешь влиять на события, и тебе необязательно представляться, ты можешь быть кем угодно. Так можно до министров и президентов дойти. А это уже расширение и монетизация.

— Продажная душонка, — поймала на слове, — а говорил, что нет ничего важнее лулзов.

— Это куда не денется. Это для души. Можно делать что-то смешное, но при этом на злобу дня. Главное, попасть в основную информационную повестку.

— Если соглашусь, поклянись, что нигде и ни разу не выставишь пранк с Горенко!

— О чем речь, русалка!

— Ага, зарекалась ворона...

И пленная комсомолка все же дрогнула под вражьем натиском. Скрепя сердце, лишь бы отстал, выдала личные контакты Волкенштейнов. И будь что будет. И концы в воду. Свинья не выдаст, волк не съест. В сделку с хозяином Преисподней вступила еще раньше, договор найма подписала, когда пришла на радиостанцию. Так чего теперь плакаться о потерянной невинности? Поддалась на уловку. Уступила соблазну. Пошла наперекор совести, как принято обличать в таких случаях пленных комсомолок.

Горыныч прибежал на эфир, будто с цепи сорвался. Рвал и метал. Крушил все подряд. Снова в непочтительных выражениях подозревал сотрудников в скудоумии и предательстве, грозился всех уволить. Потом и слушателям досталось.

Одна я, обмирая от страха, пряча глаза, знала тому причину. И уже жалела, что вступила в сговор. И с кем? С тем, чьим обещаниям грош цена в базарный день. Однако азарт сильнее всякого благоразумия. Волков бояться — лес не ходить. С волками жить — по-волчьи выть. Что там еще про волков? Работа не волк, в лес... Нет-нет, это не надо.

Ближе к полудню мой сообщник прислал свежую запись. Птицелов, добравшись до Альбины (умный Лева не брал трубку), подделавшись под Горенко, с тем же густо окрашенным тембром (похоже, аж до мурашек), покаялся от лица всей радиостанции и пообещал выгнать горе-помощницу, с которой доселе практиковал непотребные случки, о чем сожалеет и заедает водкой. Альбина сначала купилась, обрадовалась откровениям и с царской благосклонностью приняла извинения. Затем, когда обман сознательно раскрылся, очерилась и как следует отождгла: обложила Птицелова отборнейшим матом, на который способна лишь гранд-дама, профессорская внучка в пятом поколении, генерируя разные неприличные слова путем сложения их корней.

Дальше — больше. Махнула рукой. Была не была! Поочередно, как подсаженная на иглу, после каждой записи выдавала своему искусителю все новые номера наших экспертов, какими, будучи помощником главного редактора, владела. Хотя на результат особо не рассчитывала. Думала, что эти высоколобые снобы (некоторые заседали в Совете при Президенте по правам человека) ни за что не подставятся.

Однако я ошиблась. «По заявкам трудящихся» многосерийный радиоспектакль из преисподней таки состоялся. Птицелов всю неделю добросовестно вываливал на мою бедовую голову «свежеиспеченные пирожки». В основном разводил наших важных персон тем же технопранком (на голоса бывших жертв из пранковской картотеки). Но, по его же признанию, это было скучно и сложно (вовремя подставить нужную реплику, которая сработала бы в контексте). И давал волю воображению, лениво позевывая, сыпал чем-нибудь из риторики крепких сознательных граждан:

— Доколе вы, либерасты треклятые, будете сжирать изнутри Россию-матушку? Почему нынче кросс-курс тридцати сребреников к американскому доллару?

И почти все эти речевые виртуозы и акулы пера, далеко не новички в диспутах, откровенно палились, скатывались до жиганских терок: да ты знаешь, кому звонишь, сейчас к тебе на хату приедут бандиты на черных джипах, тебя уже вычислили, сиди и бойся! Упорно выясняли подробности интимной жизни, половые пристрастия звонившего и членов его семьи, особенно доставалось многострадальной личности матери. Помимо угроз физической расправы и сексуального насилия в извращенной форме эти гиганты мысли и отцы русской демократии, денно и нощно проклинающие кровавую гэбню, вдруг начинали козырять связями с высшими чинами МВД и ФСБ.

Телефонный мальчик Птицелов, который собаку на том съел, с самого начала предупреждал меня. Все мы от мала до велика пропитаны, отравлены страхом и ненавистью друг к другу. «Мама, мы все тяжело больны».

— А не боишься, что реально выпалят?

— Боишься за меня? Они только по телефону такие грозные. В реале встречался со многими. Есть серия интервью с некоторыми звездами. Некоторые перевоспитанные хвалили, называли санитарями леса. Другие отбегали на безопасное расстояние и продолжали орать благим матом. На самом деле под статью как раз попадают их деяния. Это они правонарушители с их нецензурной лексикой и угрозами. С теми, у кого есть чувство юмора, пранк всегда перетекает в нормальное общение. Как у нас с тобой, — добавил значительно, будто напрашивался на что-то большее. Заигрывал, короче.

— Да уж, подружились жаба с гадюкой!

— Чур, я жаба. А ты пригретая змея на груди. Ваш Горенко, сам ящур, сплел вокруг себя родственный клубок змей.

- То есть с Птицеловом реально встретиться? — не обращаю внимания на колкости.
- Заваливай в одиннадцатый буфет. Я обычно там ужинаю перед закрытием.
- Одиннадцатый буфет? Что за бред? То же самое, что искать пятый угол. Даже гуглить не стала.
- А как ты выглядишь? Как я тебя узнаю?
- Узнаешь, никуда не денешься.
- То есть мы уже виделись?
- Я-то тебя точно срисовал.

Ох уж эта загадочная пранкерская душа! Изворачивается, как уж на сковородке. Стала перебирать в памяти всех знакомых, случайных и неслучайных. Но тщетно. Ничего в голову не приходит. Птицелов стал моим наваждением. Как его выцепить? Неужели стесняется? За себя не переживаю. Он знает, как я выгляжу, и тем не отпугнула. Стала изучать его кустарные интервью на телефон с некоторыми жертвами, среди которых спортивные комментаторы, балерины, адвокаты украинских летчиц... Останавливала и увеличивала изображение... И почти везде Птицелов за кадром. В доступе к телу отказано, но к чему душа лежит, надеюсь, скоро выясню.

10.

В течение последующих дней, получив карт-бланш от Горенко, мы с Птицеловом выдали на ура серию разоблачений. С ссылкой на его записи я каждый раз подводила черту, подвергала сомнению человеческий облик некоторых представителей западно-ориентированной общественности, показавших себя «во всей красе», отнюдь не блестящих нравственной чистотой и не владеющих элементарной культурой общения. Потому они навсегда потеряли моральное право судить политических оппонентов. Революционер — это сверхчеловек, рыцарь без страха и упрека, герой-одиночка. Все человеческое ему чуждо. Можно ли представить Че Гевару погрязшим в обывательских пороках? Эти «герои» полностью себя выдали. Какие еще могут быть вопросы? Что еще могут предложить? Чего еще от них ждать? Куда поведут людей? Полная дискредитация. Таких не берут в космонавты. Таких сбрасывают с Парохода современности. С таким не стоит рассчитывать на Революцию. В крайнем случае на Реставрацию.

До руководства «Голоса» пытались докричаться, обещали устроить на тех же Чистаках пикеты и собрать петиции, чтобы меня уволили. Но у Горыныча не было претензий к содержанию публикаций. Только однажды спросил, как я познакомилась с «этим телефонным злодеем» и будет ли он просить гонорар за эксклюзив. И условие: не трогать Второстепенова: у него внешность гэбиста, но внутри это чистый и нежный ребенок. Ага, как же! В последнее время наш зам какой-то мутный, непонятный, будто мешком пыльным сбили, и пыль до сих пор не выветрилась. Явно что-то замышляет. Это заговор против меня и Франции! Тем более что аудитории у нас теперь столько, сколько жителей Парижа того времени.

Чем выше аудитория, тем дальше задвигало от порядочной рукопожатной среды в какой-то сумрачный дремучий лес. Я отмечала это по отношению коллег и гостей. Они следили за мной исподлобья или, наоборот, демонстративно отворачивались. Да что мне за дело, когда вы и раньше меня не замечали? Да кто вы такие, чтобы не подозревать о моем существовании? Теперь вы знаете обо мне, и вам с этим жить! Да будь вы на моем месте и был бы у вас такой, как Горенко, вы поступили бы так же. У меня нет другого выхода. У меня есть только Горенко. Скучный взгляд и острое слово его ножом по сердцу. И в то же время вместо хлеба и воды. Да, я голодная психа, сижу на хлебе и воде.

А теперь еще и Птицелов, общение с которым (часто ловлю себя на мысли), как выражаются в определенных кругах, мне не в падлу. Кто бы мог подумать, но я давно не настроена враждебно. И он уже по-другому строит разговор, больше в исповедальной форме, что ли... Не отлипаем друг от друга, подолгу взаимно заслушиваемся голосами, с которыми почти сроднились. Говорим обо всем и ни о чем. Конечно, по-прежнему пикируемся, подначиваем друг друга, куда же без этого. Он далеко не паничка, довольно колкий, ершистый, с пошловатым и чернушным юмором, много шуток на тему венерических болезней и интимной гигиены (поднабрался у своих жертв). И все пыталась припомнить, где уже однажды слышала его.

— А как с твоей Куник обстоят дела? Не делала попыток подобраться?

Интересно, когда я успела ему растрепать об этом?

— К ней подобраться невозможно. При ней нет телефона, насколько я заметила. К ней в палатку пускают лишь врачей и соратников. Хочешь попробовать?

— Попытаюсь. В принципе нет ничего невозможного.

И пропал почти на неделю. Я уже беспокоиться начала. Также внезапно объявился.

— Неужто записал?

— Ее действительно пока сложно записать, — рапортовал Птицелов, — она в глухом подполье. Эти оппозиционеры боятся провокаций, хотя сами горазды на них.

— Значит, пусто, — расстроилась.

— Наверно, слышала о молодежном движении «С нами»? Они занимаются сбором и распространением роликов, где вражди деятели с бабами, наркотой, матрацами... Я связался с их главным, предложил компромат на Куник. Якобы у нее фиктивная голодовка. Будто удалось снять, как она по ночам жрет колбасу и шуршит фантиками от конфет, а худобу и изможденный вид ей делают первоклассные гримеры. А перед самой акцией якобы прибегала к липосакции. Есть документальное подтверждение из клиники пластической хирургии.

— Ну, ты скотина!

— Ага, комиссарша «Снамистов» тоже ликовала. Они подлые и скучные. Они всему верят, — и скинул запись получасового ликования комиссарши «Снамистов».

11.

— Виктор Алексеевич, предлагаю немного развернуться в другую сторону, — забежала в кабинет и положила на стол телефон с записью, — помогите подступиться к Куник. Есть повод, неплохой пранк касательно ее деятельности, и нужны комментарии.

— Опоздала, — не оборачиваясь, отвечал он. Опершись руками о высокую стопку из бумаг и папок, с широко расставленными ногами, продолжал с задумчивостью стороннего наблюдателя глядеть на бульвар.

Я обошла стол и тоже прильнула к окну. Его инсайд о разгоне лагеря оказался секретом Полишинеля. После решения суда лагерь решил стоять до первого задержания.

Когда только направлялась на работу, все еще было тихо и моросил дождь. Теперь чуть выглянуло солнце, и под барабанную дробь марша активисты готовили для запланированного, но несогласованного шествия колонну с зелеными шарами и белыми ленточками, имперским и Андреевским флагами... Кто-то с головными уборами-плакатами. Кажется, в Англии на скачках приветствуются необычные креативные шляпки. У нас же другие забавы: митинги да протесты. Все это поначалу напоминало детский утренник или школьную линейку. Все еще накачанные, неунывающие, но в предвкушении, охотно напрашиваются, заранее обольщаются. Вокруг фонтана водят хороуды, напевая куплет из «Песенки про зайцев». Это похоже на коллективное преодоление страха, заформатывание ужаса. По обочинам щетинятся автобусы для будущих

задержаний. Вместо привычных дружинников дежурят полицейские в бронежилетах, потеют в пластиковой защитной экипировке, вытряхивают из мокрых палаток сонных людей, а тем, кто сопротивляется, не дают время на сборы, тут же заталкивают в автобусы.

Так в кастрюльке закипает вода. Рядом с этим кипящим морем на лавочках протекает другая нормальная выходная жизнь туристов, спортсменов и местных старушек, которые еще вчера подъедались на лагерной кухне, а теперь равнодушно наблюдают, как уводят их недавних кормильцев.

— Они еще могут опротестовать решение, — неуверенно предположила я.

— Не могут, — произнес Горыныч, — ответчик — префектура. И во всех обоссанных переулках уже полицейские инструктажи.

— Виктор Алексеевич, ну что вы передергиваете? — возмутилась. — Вы же сами видели, что были и туалеты, и мусорные контейнеры...

— Только пользоваться не научились. Мое законное право открыть вот так окно, — Горыныч взялся за ручку оконной рамы, — чтобы при этом разные зловонные миазмы не проникали. И не горланили под окном. И не бросались камнями, как было обещано...

Я впервые не дослушала его (как всегда, вредничает) и побежала вниз. На лестнице несколько раз оклинула Василя. Сделала вид, что не услышала. Вот не до нее сейчас!

Высочив наружу, перебежав улицу, сорвав с клумбы несколько тюльпанов и держа их над собой, с большим трудом протиснулась к памятнику, где на постаменте каплей надежды в море безнадежности водрузили Ольгу Куник. Вернее, то, что от нее осталось после месяца голодовки. Это уже не человек. Кожа до кости. Узник собственной совести и чувства долга. Это тонкая прозрачная оболочка. Почти стертая пленка.

Есть гусеницы, которые раскрывают свой кокон, а есть те, которые засыпают в нем навсегда. Чтобы не пропасть в своей *земляной колыбельке*, она, укутавшись в триколор, просто и наизусть слабым голосом выборочно зачитывала наиболее актуальные статьи из Конституции. Собравшиеся подхватывали, скандировали.... Почти каждый, уверена, прильнул к окнам, но окна оказались слепыми и мутными. Я не видела вокруг себя ни одного лица. В накрапывающем дожде снова все серые и одинаковые.

В толпу прорезалось несколько бойцов. Их зеркальные забрала в каплях дождя. Под общий свист, улюлюканье сняли Куник и под руки повели к автобусу. Вернее, понесли — та еле ногами перебирала. Ее подталкивали, но она не чувствовала, на адреналине поднималась по ступенькам справедливости.

— Молодцы, воюете со слабой женщиной! — кричали с разных сторон.

Когда Куник внесли в автобус и прежде чем захлопнулись двери, я, с упорством колорадского жука следовавшая за ней, всучила цветы с пожеланиями скорейшего выздоровления. Она успела подхватить букет и слабо улыбнуться. Автобус уехал, оставив растерянных людей. Тучи сгустились, дождь припустил, люди в наэлектризованном воздухе накинули капюшоны, раскрыли зонты...

— Граждане, отходите — акция незаконна! — то и дело напоминали через мегафоны.

Но когда просят по-хорошему, никто никогда добровольно не расходится. И еще долго раскачиваются. Вот и мне захотелось продолжения. Игры в протесты — они такие, они затягивают. Возникает эффект недосказанности, незавершенного действия. Я как условный мазохист все более вращаюсь в эту историю. Незаметно пробрало стадным инстинктом, пьянящим чувством сопричастности, единения, солидарности. Я в игре. Я на волне. Я в тренде. Вернее, раньше была игра. Теперь судьбы как на ладони. Теперь вокруг меня настоящая стена из живой плоти. Люди из плоти. Не из картона. Быть над схваткой и тесниться вдоль обочины больше не получится. Жаль, телефон оставила у Горенко, а то бы тоже врубила видеотрансляцию по примеру многих.

Но у тех тяжело передается видеосигнал. Возможно, перегрузка сети, но, может, намеренно сигналы глушат. Сайт «Голоса» с самого утра тоже еле-еле работал.

Сформированную колонну дальше с Чистаков не выпускали. Сцепившись за руки, перед нами сплоченно выстроилась шеренга бойцов. Наши первые ряды стояли с ними лицом к лицу, упорно давили на ограждения.

— Не скапливаться и разойтись в разные стороны!

Некоторые активисты под аплодисменты все же прорвали оцепление. На проезжую часть хлынул людской поток, скрипнули тормоза... В один момент автомобильное движение на Мясницкой оказалось перекрытым. Рации отреагировали громко и быстро: «Толпа выходит на дорогу». Образовалось несколько очагов сопротивления: кидали заготовленные камни, древки флагов, принесенные с собой куски асфальта, бутылки, кто-то бросил дымовую шашку. И с нами перестали церемониться. Орудия дубинками, решительно погнали народ в обратном направлении, оттесняя, выдавливая в ближайšie переулки. Сначала бескомпромиссно прессовали тех, кто громко выкрикивал и активно размахивал руками. Затем стали шерстить неизвестно по какому принципу, почти без разбору, почти наугад, по малейшему подозрению. Решительно пробивались в толпу, выхватывали первого попавшегося и тащили к заполняющимся автобусам. Мимо меня проносили скрученные тела в разорванной одежде, с разбитыми головами и окровавленными лицами. Даже велосипедиста тащили вверх ногами на его же перевернутом велосипеде. Ветер выворачивал зонты, людям выворачивали суставы. Когда это успело произойти? Я в этой толпе как в бушующем море. С моим ростом меня вот-вот с головой накроет волной. А впереди еще один волнорез — плотное оцепление.

В нескольких метрах Василя! Как ни в чем не бывало *поливает* камерой все, что видит перед собой. Вокруг вакханалия, а ей хоть бы что, ни один аккуратно уложенный волос не выбился из ее идеальной прически. Я закипела и ринулась на нее, но наткнулась на одного из стражей. Он прикрикнул на меня и даже замахнулся. В отместку, зажмурившись, что есть мочи заверещала, избавляясь от накопленного страха:

— Как так произошло, что в нашей стране запрещено вслух читать родную Конституцию? Она теперь причислена к экстремистской литературе?

— Конституцию надо читать для своей же пользы, сидя дома, — насупился.

— Вообще-то, у нас в стране свобода перемещения, а я вот просто стою и ничего не нарушаю. У меня пресс-карта! — соврала на всякий случай, но с собой никаких документов.

— Засунь свою бумажку куда подальше! — разорался тот.

Во мне нет врожденной, на генном уровне рабской ненависти к полициам. Из роддома меня прямиком принесли в ментовскую общагу. И всю жизнь, сколько себя помнила, росла сначала дочерью лейтенанта, потом капитана, дальше майора... Они всегда чувствовали во мне свою. Но теперь, когда миру грозит сорваться с петель, перестаю быть одной из них. Я в толпе, значит, на стороне врага. Этот упырь схватил меня за ворот — я упиралась. И несколько сильных рук, пришедших тому на помощь, вдруг перевернули меня и поволокли куда-то. Подо мной проносился окровавленный асфальт, расступались кеды, я не слышала собственного крика. Кажется, зажимали рот и пинали коленями по ребрам. Где-то совсем рядом распылили баллончик. Закашлялась. Хочу пить. Много дыма. Дождь не спасает. Последнее, что помню, искаженное ужасом пластиковое лицо Василя. Потом меня приподняли над толпой и перебросили через велосипедиста прямо на ступеньки автобуса.

12.

Очнулась от того, что кто-то легонько хлопал меня по щекам. Будто высвободили из какой-то душной ямы с запахом табака, пота и бензина. Появился воздух, засквози-

ло. Разлепила глаза с трудом, и все тело сразу засадило. А передо мной фельдшер и... Костик.

Вся Москва оказалась забита, в центре полным ходом протесты, и нас около часа возили в поисках свободных мест, пока не привезли в ОВД Костика. Всех задержанных завели в отдел, а меня без сознания перенесли в машину «скорой помощи», которая все это время ехала рядом. Повезло. Ну как повезло... Тот велосипедист отстоял себя, не сумели отодрать от его же велосипеда, который не помещался в двери автобуса. Надавали тумачков и отпустили с богом. А я вот дальше поехала.

— Жалобы? — первым делом поинтересовалась строгая женщина-фельдшер.

Тихонько зашевелила губами, еле слышно перечислила симптомы: головокружение, тошнота... Оглядела себя: на руках кожа содрана, гематома на ноге. Пока фельдшер, перевязав мне руку жгутом, вводила укол, Костик с укоризной выговаривал:

— Все-таки доигралась со своим радио, — припомнил тот день, когда я впервые похвасталась со стажировке на «Голосе».

— Я для общей массы людей, чтоб их услышали, — и не узнала собственный голос.

— Чтобы их услышали, — вздохнул Костик, — я тоже был сегодня в оцеплении. Это такой зверинец! Чего нам только не говорили! И фашисты мы, и проститутки. Какие только рожи не корчили! И плевались, и кидались, и раздевались. Одна дура села кому-то на плечи и разрисованную грудь нам показывала. Гражданские не понимают, что такое приказ. Все потому, что работать у них не модно, учиться им лень. Чего этим москвичам не хватает? В Москве при любой власти будет комфортно жить, сюда вливается достаточно денег, чтобы горожане чувствовали себя нормально. А у нас в городе митингов нет, все стабильно. Ну, малый и средний бизнес прижимают, да, а в остальном что плохого? — словно оправдывался передо мной.

— А кому-то впают арестную статью, — добавила, между прочим, фельдшер.

— Если идешь на такие мероприятия, то будь готов к тому, что схватишь. Потому что хочешь не хочешь, но будешь ругаться матом, оказывать сопротивление, оскорблять представителей власти. А это, простите, административка. Или она думала, что ее мармеладками будут кормить или ламбаду перед ней танцевать? — кивал на меня Костик. — Мы же не спезназ и не Второй оперативный полк, где подготовленные бойцы. С нашей стороны тоже человеческий фактор, адреналин, боязнь за себя и напарников. Есть, конечно, памятки о порядке действий сотрудника на ваших мероприятиях, но кто их читает? Я? Мне политика — до фени. Мне плевать на вас всех, веришь? Вы с жиру беситесь. А у меня на моей земле бумажек — выше крыши. Но нам спускают чужие показатели, отрывают от работы... Такие правила. Нас загрузили в эту матрицу. Это игра такая: ты догоняешь, а я убегаю. На Западе, в Америке все жестче. А у наших не хватает политической воли разогнать их всех. А *эти* хотят, чтоб все вокруг горело, как во Франции. И чтоб трава не росла!

— Да ничего они не добьются, кроме того, что количество росгвардейцев увеличится и им поднимут зарплату, — с завистью о чужой зарплате сказала фельдшер.

— Для ребят из регионов хоть какая-то польза, — во всем находил плюсы Костик. И положил мне на колени мой же телефон, пресс-карту и сложенный вдвое лист.

— Откуда это? — схватилась за вещи. Помню же, что ничего с собой не брала. Развернула бумагу: редакционное задание, подписанное самим Горенко. И телефон. Разбитый. Дисплей вместо информации с устройства затянута паутиной трещин. Отец дяди Федора принял бы ее за настроенную таблицу. Ну что ж, чем-то и я пожертвовала, чтобы сегодняшней день состоялся. Не считая родного здоровья.

— Твоя подружка с радио передала, — ответил Костик.

— Василя?

— Ее с тобой завинтили. Парни сказали, бросилась тебя вызволять, редакционным заданием светила. Ну они разбираться на месте не стали, с собой до кучи прихватили.

Я представила, как Василя с точеными гранями трясется со всеми в автобусе, забитом до отказа, как сельди в бочке.

— А где она теперь?

— На улице дожидается.

Разом забыла о недугах, засобиравшись на выход.

— Девушка, вам надо в травмпункт на освидетельствование, составить акт, — запротестовала фельдшер, — подозрение на сотрясение, нужен рентгеновский снимок. Рану обработать. Обезболивающий и противовоспалительный сделала... Или пишите отказ!

Костик умоляющим взглядом посмотрел на меня. Я, не раздумывая, подписала отказ, поблагодарила Костика, хотя это ему впору благодарить меня. Мы выбрались наружу, Костик поспешил сразу в отдел — подвезли еще задержанных, а я кинулась к Василе, возле крыльца озирающейся по сторонам, кутавшейся в свой кардиган.

Позади меня раздался знакомый гул мотора, и Василя тут же рванулась с места. Я повернулась за ней следом и с удивлением обнаружила припарковавшегося Горыныча. Только обрадовалась и решила броситься ему на шею, как за меня вприпрыжку это сделала Василя. И он не только не смутился, а потянулся навстречу и волевой клешней в байкерской перчатке, прижав ее голову к своей богатырской груди, прикрыв глаза, жадно сминал густые волосы, жарко нашептывал в ушко умиряющие слова, нахваливал:

— Ведь ты теперь новостник! Репортер с места событий!

Она же не понимала своего счастья: канючила и жаловалась:

— ...Там нет горячего питания и спальных принадлежностей. Витя, как бы мы здесь ночевали?

Когда я говорила более разумные вещи, Горенко и то давал понять, что я дура. А тут что ни слово... Горыныч угодил в не свойственный ему жанр. Ему бы через огромные окна наблюдать разрушение небоскребов, правда без Марлы, и разражаться сатанинским хохотом. Вместо этого он попал во вселенную Барби, где розовый домик, бесконечные наряды, маленькая собачка, спа-процедуры. А Василя, актриса-недоучка, наконец с успехом прошла кастинг на собственную жизнь.

При виде этой картины маслом из прошлого выплыла другая, такая же пошлая. Помнится, в летнем лагере, когда училась в старших классах, переживала первую влюбленность в нашего физрука. Однажды с одноклассниками прогуливались по пляжу и случайно спугнули парочку в кустах. Застигнутые врасплох шарахнулись от нас в разные стороны: полуголая ученица из параллельного класса и объект моего девичьего вождения. Он, на бегу натягивая штаны, вдруг предстал в том виде, в каком и прежде существовал, да только я не догадывалась. Тридцатилетний мужик с ранними залысинами, с брюшком. Возможно, в будущем эти двое создали прекрасную ячейку, народили кучу здоровых детишек (не следила за их судьбой, после огласки она перевелась, а он уволился), но факт в том, что меня навсегда лишили веры в человечество.

Наконец Горыныч соизволил заметить меня:

— Ну что, выкарабкалась на божий свет? Сапоги над головами не пролетают? — спросил с усмешкой.

Я, выйдя из состояния соляного столпа, едва кивнула. С удовольствием поведала бы о делах своих скорбных, но, кажется, ему не до меня.

— Тогда дуй в редакцию. Я приеду следом. Только Ваську домой отвезу.

И плевать ему, что многие станции в центре «в связи с проведением массовых мероприятий» закрыты на выход. Василя, к слову, так и не обернулась в мою сторону.

Усевшись на заднем сиденье, бессовестно льнула к его спине, будто так и должно быть. А я вообще не при делах. Обозначила пятой точкой свое нынешнее положение в жизни Горенко. «Села — дала, уронил — женился», — некстати вспомнила правило байкеров.

До ближайшей станции чешу пешкодралом. Действие укола медленное. Слезы рекой. Между всхлипываниями пытаюсь реанимировать телефон.

Спускаюсь в метро. На платформе группа ребят, с ними захожу в вагон. Мне до них никакого дела. У них же синеволодая зареванная побитая брошенка вызывает жгучий интерес. Сквозь застывшую глаза пелену слез отмечаю на их форме ублюдочное сочетание черного и красного. Поезд набирает скорость, и я поверх этого шума, перекрикивая грохот колес, сбиваясь на рыдания, в истерике пытаюсь до них достучаться:

— Какие вам нацисты? Какие вам снамисты? Какие левые и правые, когда самые близкие предают! Ты на них дышать боишься, а они тебе нож в спину!

Они не возражают, а только угорают и на телефон снимают. Нутром чувят, что дела тут сердечные, а не политические. Страшнее обиженной женщины зверя нет.

Не помню, на какой станции пути наши разошлись. Кажется, водку предлагали из горла. Возможно, я даже глотнула залпом.

13.

Едва переступив порог редакции, первым делом припала к воде из кулера и, напившись влать, с нескольких стаканов, ударила в рынду! Она давно напрашивалась.

— Добралась-таки? — высунулись на оглушающий звон любопытные головы.

Я доковыляла до рабочего стола и тут же развалилась на стуле, чтобы как следует отдышаться. Народ обступил меня. Засыпали вопросами, по очереди ощупывали ссадины... Но от меня проку мало, после такой мясорубки ни на что не способна. И постепенно все разошлись, кроме Рыжинашвили:

— Когда связь с вами пропала, Горенко всех на уши поднял, — сказал он, — звонил в пресс-службу МВД. И вас с Василей тут же выпустили без составления протокола.

— А Василю-то каким боком занесло?

— Горыныч, видя твоё рвение к репортерским подвигам, быстро оформил редакционное задание, чтоб тебя ненароком не замели, и отправил вдогонку свою Василю. И телефон ты у него забыла.

— Какая забота!

С рабочего компьютера зашла в свой аккаунт. Что бы там ни было, а работа прежде всего. С минуту на минуту прискачет Горыныч, и если у меня не будет темы для разговора, я просто заново разреву и запущу в него чем-нибудь.

Странно, утренней записи Птицелова больше нет. Ведь отлично помню, что слушала ее, прежде чем... прежде чем положить для удобства временно разблокированный, беззащитный телефон и выбежать с шашкой наголо. Тут же написала Птицелову, попросила продублировать запись, но «пользователь ограничил доступ к своей странице».

— ...Василя неплохо справилась, — продолжал Рыжинашвили, — пусть ее твиттер-репортаж и оборвался на самом интересном месте, но так даже красноречивее. Мы его опубликовали на сайте с припиской, что корреспондент задержан и доставлен в территориальный отдел полиции. Помимо нашего журналиста на акции, по данным «ОВД-инфо», задержано еще тридцать четыре сотрудника московских СМИ.

По телевизору над рабочим столом вместо информационных телепрограмм черно-белый неторопливый фильм «Адъютант его превосходительства». И то без звука. Если это не случайность, то Горыныч неплохо заимствует приемы ГКЧП. Правда, вместо «Лебединого озера» лицезреть гениальную спину Соломина и, кажется, наизусть могу повторить диалог с мальчиком Юрой:

— Пал Андреич, вы шпион?

— Видишь ли, Юра...

— И давно у них началось? — вдруг перебила Рыжинашвили.

— Да вроде с самого начала, — пожал плечами, — неужели не догадывалась? Ты ведь ближе всех к телу. Сексуальное напряжение между ними хоть ножом режь.

Нет, не догадывалась. Пахала, как лошадь в шорах. Ничего вокруг себя не видела.

— Как по-разному складываются судьбы у девочек, которые приходят сюда, — рассуждал Рыжинашвили, — одним — карьера, другим — радости материнства. Может, Второстепенов поэтому ушел, а тебя использовал как повод. Ты же в курсе, что он ушел?

— А я здесь при чем? — взбеленилась, — Этого еще не хватало, час от часу не легче. Давайте вообще всех собак на меня спустим!

Перехожу на страницу Второстепенова и читаю его прощальный пост:

Когда мы студентами защищали Белый дом, то делали это не для себя. Как бы громко ни звучало. Уровень нашего коллективного самосознания и нашей всеобщей наивности был настолько велик, что не думали, насколько патетично и неуместно это будет выглядеть со стороны. Мы ни на что не рассчитывали. Мы догадывались, что не заслужили порядочного отношения. На нас собачьи отметины. Мы дети Понедельника. Что называется, рад бы в рай, да грехи не пускают. Мы все о себе знали. Но жили мечтой. Опять же мечтой не для себя, а для будущих поколений. Верили, что дети наши будут жить лучше.

Но прожив большую часть жизни, с горечью готов признать: мир так устроен, что лучше никогда не будет. Будет только хуже. Это аксиома! Рано или поздно все идет к деградации и девальвации. Раньше советская власть делала отвратительные вещи. Но она произносила хорошие слова и воспитала хороших людей. Теперь нет ни того, ни другого. Раньше оскорбительными являлись комментарии к постам, а теперь сами посты стали троллингом.

СМИ всегда будут главным инструментом в борьбе за влияние. И тогда, в девяностые и нулевые, когда олигархи покупали себе наиболее харизматичных и талантливых журналистов, превращая их попросту в охотников за головами, «мусорщиков». И теперь, когда государство накачало административные мускулы, а прежние заказчики разбежались, золотая кормушка захлопнулась... Необходимость в «мусорщиках» сохранилась. Иначе кто будет денно и ночно вещать нашим разуверившимся гражданам о безальтернативности политической власти, об отсутствии конкуренции, о том, что больше ведь никому?

«Мусорщики» на радостях остались. Эти жалкие пародии на самих себя быстренько переобулись и, мало того, размножились, воспитав себе подобных. Но как всегда, дым пожиже, труба пониже. Поражает, с каким азартом и цинизмом, расталкивая друг друга локтями, бегут их воспитанники растлеваться и продаваться. И невозможно объяснить, что прекрасную идею используют в грязных целях, и что нельзя тревожить души умерших, и что память — дело негромкое, и что война, пусть и освободительная, все равно война... Это все равно что для чатланцев исполнять классическую музыку. Для них это бессмысленный набор звуков.

Зато из каждой щели вместо тарифов ЖКХ, безработицы, коррупции и чиновничьего произвола нам по капле вместо снотворного выдавливают жиденькое дерьмо об Украине, Сирии, запугивают НАТО-бабайкой...

И когда их призывают к ответу на Страшном суде, в который они, разумеется, не верят, эти... дети залепечут из пьесы Шварца: «Нас так учили...»

Всех учили. Но зачем же ты оказался первым учеником, скотина этакая?

P. S. Я в последние дни, братцы, не могу разгадать сканворд. Есть в природе такие гусеницы, которые забираются в муравейник, опаивают собой муравьев, и те вме-

сто своей матки начинают кормить эту самую гусеницу. Настоящая matka помирает с голоду, и погибает весь род муравьиный. Ответы жду в комментариях.

Комментарии и лайки не заставили себя ждать. Ясное дело, первым делом засветились наши с Горынычем фамилии. Я с тяжелым вздохом опустила голову на стол, подложив скрещенные руки. Что вы знаете обо мне, чем помогли в этой жизни, чтобы навешивать на меня ярлыки? Больше неинтересно об этом говорить. Больше ни единой личной мысли не потрачу на Горенко, ни единого душевного порыва. Хватит с меня, навоевалась! У самой сердце — сплошная кровавая рана.

Так бы и просидела до окончания времен, чтобы ни видеть, ни слышать, ни говорить. Но покой нам только снится. В коридоре раздался знакомый командный голос, от которого в былые времена сразу в стойку!

— Старуха! — показался Горыныч в дверях, как всегда деятельный и неуправляемый.

Как заведенная кукла, послушно поднимаюсь и плетусь в его кабинет. Только теперь заметил мои ссадины и гематому. Слегка присвистнул:

— Если ночью выйти из сельского клуба и посмотреть на звезды, то кровь из носа будет идти меньше, — пытался развеселить. Но увидев, что не настроена, быстро перешел тему: — Душа моя, перенеси все встречи до следующей недели. Мы с Васей завтра вылетаем. Ночью откроется онлайн-регистрация, выбери нам комфортные места.

Ну вот, теперь он летит с ней в южные страны в то время, как мир рушится.

— Разве у вас не бизнес-класс?

— Я лечу домой. Туда летает только одна региональная авиакомпания, у них нет бизнес-класса... Я думал, что самый счастливый мой день был, когда теплоход «Вацлав Воровский» вез нас, демобилизовавшихся, из Грехихи на материк. Оказалось, то было самое беззаботное время, и мне постоянно хочется туда вернуться.

До чего дешевая сентиментальность может довести! Поедет вспоминать молодость и демонстрировать предкам свою зазнобушку. Значит, все серьезно.

— А со следующей недели, засучив рукава, начнем работать.

— Интересно, что будет через неделю?

— Во-первых, в мэрии будут согласовывать новую схему проведения шествия и митинга. Несколько СМИ, в том числе и нас, пригласили выступить посредниками.

— Но меня это не касается, — в моем голосе по-прежнему мало энтузиазма.

— Еще как касается! В мэрию поедешь со мной. С тобой хотят познакомиться. Я сказал, что ты хорошая девочка. И еще, тебе доводилось когда-нибудь смотреть «Спас»?

— Я их фанат, смотрю вместо КВН и Колесникова. Но КВН, как известно, уже не тот, и Колесников иногда в интонациях пролетает, а от «Спаса» спасу нет, они стабильны.

— Замечательно! — просиял Горыныч. — Я тут после Альбины Тузенбахен снова переставлял все местами. Будешь на мирской лад разыгрывать программу «Не верю. Разговор с атеистом». Но у тебя будет «Разговор с либерастом». Ладно, согласен, над названием еще подумаем. Только будь с этой публикой аккуратнее. С ними, как с попами, тяжело спорить. Ты им слово, они тебе — десять! Сразу в Писание лезут, чтобы цитатой, какой потяжелее, огреть как следует...

Пока он говорил, я не смела ни о чем спрашивать. Но вот он отвлекся на текущие бумаги, и я не выдержала:

— Виктор Алексеевич, вы... Зачем вы это сделали?

Он не спросил, что именно. Он просто поднял глаза и несколько секунд буравил пытливым взглядом. Пришлось пояснить:

— Вы удалили запись с моего телефона и запретили Птицелову общаться со мной, и он вас послушался.

Я думала, что приперла его к стенке, одержала верх. Но Горенко не стал юлить, хотя он мастер уходить от неудобных ответов:

— Потому что его информация не проверена. Ты как журналист имеешь полное право публиковать честные и свободные факты, пусть даже неполные, не думая о чужой репутации. Я же, главный редактор, пользуясь своими связями, сначала обязан добрать эти неполные факты, чтобы защитить «Голос»... А потом, если новость не уйдет, сделаем эту запись достоянием общественности.

— Что значит «если»?

— Работаем по заказу на общественное мнение, если забыла, — осадил.

А мне от такой махровой наглости будто вожжа под хвост попала. Попахивает наполеоновским письмом к Фьеве. Да гори оно все огнем!

— Спрос сохраняется лишь на соль, спички и свечи, подожженные с двух сторон! — не мигая, раздельно выдала ему. — Балуетесь в свободное от работы свечками?

Тут же все померкло в глазах. В наступившей выжидательной паузе, в этой звенящей тишине вдруг впервые ощутила всю оправданность многожды прочитанной и всегда завораживающей цитаты: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях».

Горыныч откинулся в кресле и с преувеличенным вниманием стал пересчитывать волосы на моей голове, кожа которой скукожилась от одного его невыносимого взгляда. Я содрогнулась и приготовилась. Сейчас меня будут разделять ножичком и смаковать.

— Ну, собственно, так и думал. И всякий раз ждал. Оказывается, вы приберегли это как козырь, чтобы в нужный момент воспользоваться. Ну что ж, я тоже буду откровенным. Знаешь, почему позволил тебе прибиться ко мне? Думала, я поверил в скорбные побасенки о погибшем в Чечне родителе? Меж тем твой папаша ныне здравствует в Оренбургской области со второй семьей. Вас он бросил, тебе не помогает.

Я тут же вспыхнула, пощечина наотмашь, и он, добившись нужной реакции, удовлетворенно продолжил:

— Представляешь, какие перспективы открываются таким, как ты, в адовом аду? — издевался он, барственно почесывая подбородок. — Я вполне оценил тогда твое вранье. До глубины души поразила степень девичьего цинизма! Безотказная бездушная машина, которая не станет размениваться на сантименты, не будет мучиться угрызениями совести и задавать лишние вопросы. Ради красного словца не пожалела и отца...

— Я не говорила, что он умер, — на моих глазах, как по щелчку, навернулись слезы. Но Горынычу плевать:

— Могу поспорить, что и в школе у тебя прокатывал подобный номер. — Почему урок не выучила? — Батю хоронили, на могилку цветы носила. А он живет и радуется. И не подозревает, что приказал долго жить, что послужил проходным билетом на мою гнилую лодку. Но я недалеко от него ушел. Видишь ли, я тоже вырастил редкостного инфантила и эгоиста, который до сих пор думает, что я его собственность. А я дал ему все! Я оставил там все! Я направил ваше баловство в нужное дело. А вы смеялись за моей спиной, слушали пранки со мной. Меня моим же оружием.

— Так это с вашей подачи? — оторопела.

— А ты как думала, овца? — ударил кулаком по столу. — Ты думала, общественности будут интересны твои полуграмотные измышления? Назови хоть одну область современной журналистики, где меня нет. Я занял все ниши. Ты думаешь, меня на телевидение не зовут? Еще как зовут! Да только неинтересно впахивать для биомассы, которая привыкла, что ей затирают мозги. Мне нужна живая аудитория, которая сама

себе выбирает контент. А я сам контент. Я интернетчик до мозга костей! И что такое пр-ранк, узнал до ваших соплей! Поинтересуйся как-нибудь на досуге у моего наследника. Кстати, ник «Птицелов» тоже я ему придумал! Я кор-роль пранка! И я вам не по зубам.

Вот как надобно управлять миром и при этом не привлекать внимание санитаров.

14.

Когда вышла из редакции, действие укола закончилось, голова будто пламенем была объята, а станции метро вблизи Моховой уже открыли на выход. Москва постепенно приходила в себя, информационный поток спадал, и я надеялась приблизиться к зданию журфака, поплакаться в сквере, единственное, что осталось, от чего еще недавно легко отказывалась. Но Манежная еще перекрыта, и меня развернули в обратную сторону.

В перспективе Новый Арбат с домами-«книжками», будто с расставленными ногами, а в промежности Москва-Сити. Как приметыв времени и недавних столкновений раскуроченный асфальт, прибитые к земле дождем белые ленточки. Приезжий в пределах кольца всегда чувствует свою неполноценность. На него вдруг набрасывается историческое величие с пряничными особняками, в которых, куда ни ступи, посольства и музеи, очерченные переулками с чистыми названиями: Хлебным, Калошиным, Серебряным, Плотниковым и т. д. Но я давно сроднилась с этими местами. И никогда не сужу человека по месту его обитания. Главное, чтобы человек выделялся из толпы, чтобы можно было хоть пару строк черкнуть, а про обычных кремлевский пул пусть пишет. В остальном лишена комплексов, иллюзий, очарований, ожиданий. Избавилась от них, когда при поступлении заселялась в общагу. Перед окном стояла стена серых многоэтажек. И наш комендант за моей спиной сокрушительно произнес:

— До Олимпиады не было этого ничего. Чистое поле. А потом приехала лимита, выстроила целый район и сама же сюда заселилась.

Поэтому когда кто-то из наследников бетонных коробок, построенных в семидесятые, пытается внушить мне чувство неполноценности по причине моей нездешности и меня начинают одолевать нехорошие сомнения, видите ли, я незваная, то вспоминаю тот вид окна и дома, которых раньше не было.

Помню, мы с отцом на зимних каникулах поехали покупать мне куртку. После Черкизона отправились на Красную площадь, и в Александровском саду я впервые увидела двух геев. Это так поразило меня! Сильнее, чем Красная площадь. А папа так и не понял. Он все фотографировался на пленочный фотоаппарат и боялся, что не успеем на вечерний поезд. Фотографии получились темно-зелеными, и это все, что осталось от него.

Возле особняка Арсения Морозова машина «Вестей». В банановой кожуре, листовках и стикерах. Лобовое стекло залито кефиром. Рядом толпа обступила молодого корреспондента, собиравшегося записывать стендап на фоне перевернутых кабинок уличных сортиров (в качестве баррикад) с вытекшими нечистотами.

— Свободу СМИ!

— Позор федеральным каналам!

Я от нечего делать подошла ближе, пригляделась и узнала Вильданова.

Интересно, как быстро из стажера он перешел на репортажи с места событий! На телевидении свои боссы, среди них наверняка есть возрастные женщины.

Звезда Вильданова взошла, когда он еще на первом курсе опубликовался в «Коммерсанте». Сима достала ему пропуск в Госдуму. Он провел там весь день и вышел с ощущением, что это не то место, где происходит что-то значительное, где вершится судьба страны, о чем в своей бесподобной едкой манере и написал.

Теперь у него чувство юмора напрочь сбито.

— У тебя-то самого есть собственное мнение? Или ты попка-дурак?

Вильданов хорохорился и шел пятнами. Раньше, когда он еще не переспал с Василей, я готова была ради него умереть. Теперь, когда его хотят поднять на вилы, я палец о палец не ударю.

Спустилась в метро за кинотеатром «Художественный», ошибочно приняв синюю «Арбатскую» за «Библиотеку имени Ленина». Думала доехать до «Чистых Прудов», чтобы там пересесть на Калужско-Рижскую и добраться наконец до своих знакомых, которые согласились приютить на пару дней. Поздно заметила на стенах голубую линию и обреченно побрела дальше по платформе, дожидаясь поезда, чтобы проехать еще одну станцию и сделать пересадку. Грешна, до сих пор не очень хорошо знаю центр. У коренных москвичей Садовое и Бульварное кольцо в крови, с детства, со школьных экскурсий, они всегда по наитию, ногами вытопчут себе нужный путь, никогда не заблудятся. А вся моя столичная жизнь ограничивалась поездками на метро. Единственное, что поняла из этой жизни, что некоторые вестибулы старинных станций после того, как пассажирский поток иссякает, напоминают музыку Баха. В этой неслышной музыке я, как маленький паучок, шажками ежедневно выплетала согласно схеме метро свой нехитрый узор. Где-то теперь в этой паутинке бродит Птицелов? Моя единственная молекула серотонина, спасавшая все это время от невыносимости бытия. Наверняка сидит в вытянутых трениках и шлепках перед компьютером, кофеек попивает, торопится на экране звуковая волна... И куражится, и воспаряет над бранным миром.

Неожиданно на глаза попалась черно-красная вывеска «Буфет № 11», а под ней одиночная дверь с окошком. Меня словно током пробило, в памяти всколыхнулось что-то по невнимательности упущенное. Будто все это время водили по кругу, плутала по лабиринту. И вот наконец разгадка близка. Но разгадка чего или кого? Завороженная, снедаемая нетерпением, в предвкушении чего-то невероятного, подспудно припоминая что-то, вошла в буфет. Высокое помещение на пару столов, стены в бежевой плитке, у дальней стены красный прилавок с витриной...

— Девушка, мы закрываемся, — отреагировала работница на мое появление.

Но я ее уже не слышала. За одним из пустых столов трапезничал молодой человек в темно-синих брюках и форменной рубашке с поперечной желтой нашивкой на погонах. С минуту мы неотрывно глядели друг на друга, как вдруг он, отложив вилку, в знак приветствия кинул зигу. Кассирша с тем же неудовольствием перевела взгляд на него. Я расценила неприличный жест как приглашение и присела за стол.

Странное дело, я много раз представляла себе эту встречу, а теперь, как назло, и сказать друг другу нечего. Кажется, он в смущении. Мне-то точно не по себе. Без той игры, которую вели с помощью звонков и переписки, беззащитные, неопытные... И когда становилось совсем невмоготу, не сговариваясь, отводили глаза в сторону. Я, конечно, предпочла бы явиться перед ним при полном параде. Он вроде бы тоже ничем не примечательный: худенький, смуглый, с ресницами, как у девушки. И только глаза выдают в нем того, на кого он по праву рождения обязан быть похожим.

— Так ты еще и нацик, — пристыдила его.

— Я хуже, — невозмутимо ответил Птицелов, — я телефонный хулиган. И все от баловства и дефицита внимания. Как выражались в детской комнате милиции, я педагогически запущенный. Но кидался зигами всего пару раз в жизни. Первый раз, после которого выгнали из Суворовского. А в остальных случаях — при встрече с тобой. Это ты на меня плохо воздействуешь.

— А меня, можно сказать, из-за тебя выгнали. Горенко все мне рассказал.

- Давно пора.
- Что именно? Выгнать или рассказать?

Птицелов не отвечал. Он с аристократическим изяществом разрезал советскую котлету. Для педагогически запущенного он слишком сноровисто управлялся столовыми приборами. Спасибо родителям. Меня вот ничему такому не научили.

- Что ты имел в виду, когда говорил, что он один из вас? — настаиваю на своем.

— Когда скромный и робкий студент первого курса журфака Витя Горенко, познакомившись с девушкой, моей будущей матерью, решился впервые ей набрать, то выяснилось, что номер записан неверно, и попал не туда. На том конце провода какой-то пенсионер щедро обругал его матом, но Витя Горенко не обиделся, о девушке на время забыл, пододвинул магнитофон и позвонил снова. Возможно, это был один из первых задокументированных пранков. С этим колоритным дедом потом выходили кассетные альбомы. Потом Витин дед помер. А сам Витя, как ты знаешь, стал заметной фигурой. И многие, кто занимался тогда пранком, теперь в силовых ведомствах. Все имеет свойство заканчиваться. И тебе простится и забудется. Сколько раз такое было. Так что забей.

- Вряд ли, — не поверила, — я его сильно обидела.

- Такие не обижаются. Такие, как Сталин: простит или убьет. Он же не убил тебя?

— Неизвестно, вскрытие покажет. Даже ты не выдержал такого родителя и ушел в глубокое подполье, — кивнула на его форму помощника машиниста.

- Я ушел по своим причинам.

- По каким же?

— Вот скажи мне от лица всех журналистов, пиарщиков, маркетологов и прочих незабвенных профессий: чем вы все занимаетесь? Вы ж ничего не делаете, кроме того, чтобы целыми днями сидеть в кафе, заказывать фетучини, пилить бюджеты, брюзжать, впустую чесать языками, стебаться, ржать во все горло и надувать мыльные пузыри? Я же хочу в непроглядную тьму, подальше от вас, чтоб не видеть и не слышать вас, чтоб выгонять из головы все лишние мысли.

— Тогда уж в шахтеры, — не принимаю на свой счет, — я изначально пошла на журфак за поиском великих смыслов, чтобы научиться грамотно формулировать и доносить их. Но научиться этому нельзя, ибо великих смыслов нет. А в регионах еще хуже. Единственное, что поняла, стажирюясь на одном телевидении, что в периоды информационного затишья, когда новостей попросту нет, то каждый корреспондент рано или поздно начинает освещать городскую лужу, мимо которой не проходит ни один корреспондент регионального телевидения. Но я все равно вернусь на журфак, буду учиться прилежнее прежнего и никуда не высовываться. Потому что себе дороже. День еще не закончился, но мы продолжаем нести потери.

- Да? — отвлекся Птицелов. — Кого еще выгнали, кроме тебя и Второстепенова?

- Слухами земля полнится: Василя в декрет через полгода пойдет.

Хотела посмотреть на его реакцию. Но тот ничем себя не выдал.

— Ну что ж, дело молодое, — пожал плечами, — я сначала на тебя грешил. Он так тебя расхваливал. Но потом понял, что чисто внешне ты не его формат.

- Да куда уж мне, — огорчилась, — одно утешение, что она скоро облысеет.

- Почему?

— Во время беременности цикл выпадения волос останавливается, но после родов все волосы, которые должны были выпасть за девять месяцев, выпадают за короткий срок.

- Молодые люди, мы закрываемся, — снова напомнили нам.

И пока Птицелов торопливо дожевывал котлету, я попросила на время телефон. Зашла к себе. Сообщение от Горенко, пришло около часа назад:

Крокодильчик ты мой! Не забудь зарегинить нас на рейс. Про эфир — не шутка. До собственных эфиров ты, конечно, не доросла. А со следующей недели будешь моей соведущей. Первая наша гостя — Куник. Она тобой заинтересовалась. Придется рано вставать. И готовиться к эфирам, а не как ты обычно. К сыну моему больше не шейся. Это ни к чему, вы друг друга плохому научите, а я хочу быть хуже вас всех.

Не могу радоваться. Нет сил. Или желания. Все перегорело. Но могу бесконечно говорить с Птицеловом и смотреть, как он ест. Мы сейчас встанем, выйдем, а что потом? Не хочу отпускать его от себя. С ним спокойно. А с Горенко как на шарнирах. И если у меня не будет Горыныча, то пусть у меня будет Птицелов. У Васили в животе будущая частица Горенко. У меня же — готовый экземпляр.

Между делом погуглила имя сына известного журналиста. На всякий случай, чтобы знать, как к нему обращаться в обычной жизни... Надо же, в честь отца! В той прошлой семье существовал культ отца. Горыныч и там заполнял собой все пространство.

Прежде чем отдать телефон, в последний раз по старой привычке пролистала ленту новостей. Случайно на глаза попала одна срочная с пометкой «молния»:

По информации московского управления ГИБДД, без подтверждения фамилии водителя в центре Москвы в результате ДТП от полученных травм скончался известный журналист Виктор Горенко. По словам очевидцев, его мотоцикл вылетел на встречную полосу. Пытаясь уйти от столкновения, водитель вывернул руль влево, но с идущим навстречу микроавтобусом столкновения избежать не удалось.

Ничего не соображаю. Руки ходуном. Снова и снова перечитываю.

— Что такое? — заволновался Птицелов, глядя на меня.

Я дрожащей рукой протягиваю телефон. Экран освещает его лицо. Но это лицо тут же гаснет.